

«Все могут короли, все могут короли?..»
(Теория и практика в предреволюционной Англии).
I. Голос Якова I

После того, как приблизительно полтора-два десятка лет тому назад отпала необходимость заниматься типологическими построениями, подтверждать «открытые» некогда «закономерности» истории и объяснять наличие специфических «отклонений», вопрос о том, был ли абсолютизм в Англии, без принуждения «покинул» работы отечественных англоведов. Но термин остался! Для тех, кто не может обойтись без инструментального понятия «абсолютизм» при освещении событий позднетюдоровской и раннестюартовской эпохи, абсолютизм в Англии, очевидно, существовал, для тех, кому и без него дается историописание, видимо, нет. В тех немногочисленных английских и американских работах, в которых встречается термин «абсолютизм», либо подчеркивается, что его в Англии не было¹, либо отмечается наличие кратковременных периодов, когда королям из династии Стюартов под воздействием различных обстоятельств приходилось без особого, впрочем, успеха править, как абсолютным монархам².

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой истории и международных отношений, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. Специалист по истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, автор монографий, учебных пособий и многих статей по данным проблемам. E-mail: skondratiev@utmn.ru.

¹ Henshall N. The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London, 1992; См. Русский перевод: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003.

В относительно недавно изданной работе Пола Томаса отмечается общеизвестный факт усиления королевской власти в период правления династии Тюдоров и используется термин «абсолютизм». Корона укрепилась, отмечает он, за счет концентрации ресурсов, конфискованных у церкви, и административных и финансовых преобразований. Но он же обращает внимание на слабый контроль центральной власти за регионами, что подтверждается серьезными испытаниями для нее в ходе «Благодатного паломничества» 1536–1537 гг., восстания на западе 1549 г., восстания 1554 г. в Кенте и восстания северных лордов 1569 г., когда династия спасала верность жителей Лондона и нерешительность и разобщенность мятежников. По его мнению, централизация власти не могла не вызывать ответной реакции со стороны авторитетных родов в регионах. Пол Томас пишет, что реализовать претензии на абсолютизм невозможно без постоянной армии, которая в свою очередь требует наличия прямого обложения подданных. «В Англии претензии королевского абсолютизма никогда не поднялись до создания постоянной армии, требующей собирать налоги, чтобы поддерживать абсолютизм». Этот механизм был реализован во Франции и Испании. В Англии в этом направлении двигался Генрих VIII и в меньшей степени Елизавета Тюдор. «Однако, — заключает автор, — благодаря парламентской борьбе следующего века, английское государство пошло иным путем, чем тот, по которому шли Франция и Испания, путем конституционализма». См.: Thomas P. Authority and disorder in Tudor times, 1485–1603. Cambridge, 1999. P. 3, 5–6, 8–9.

² Miller J. Bourbon and Stuart. Kings and Kingship in France and England in the Seventeenth Century. London, 1986. P. 101, 228. В своей компаративистской работе Джон Миллер подчеркивает много-

Однако если к государственному устройству подорожской и раннестюартской Англии очень непросто приложить слово «абсолютизм», то оно вполне применимо к общественной мысли. Уже почти тридцать лет назад Джеймс Дейли обратил внимание на то, что однокоренное современному существительному «абсолютизм» («absolutism») прилагательное «абсолютный» («absolute») достаточно часто вписывалось в правовые, политические и религиозные произведения и звучало в судебных и парламентских речах, а также на то, что оно не встречало неприятия со стороны аудитории³. Им же замечено, что понимание «абсолюта» в предреволюционной Англии сильно отличалось от современного. Оно не противоречило идее ограниченности власти. Англичане начала XVII века полагали, отмечал Дж. Дейли, что их короли ограничены в одних сферах, но неограничены, абсолютны, в других. При первых Стюартах термин «absolute» понимался в смысле «совершенный» («complete»), «определенный» («certain») и «безупречный» («faultless»). Только в годы Революции и последующие за ней понятие «absolute» приобрело негативный смысл и стало аналогом слову «произвольный» («arbitrary»)⁴.

численные отличия «абсолютистской» Франции от «ограниченного» правления английских королей, а также специфичность политических обстоятельств, побуждавших английских монархов выходить за пределы правовой традиции: при Карле I — в период угрозы испанского и французского вторжений; в заключительный 4-летний период правления Карла II, когда политические партии и религиозные диссентеры претендовали на то, чтобы определить фигуру престолонаследника. При этом Дж. Миллер настаивает на том, что Карл I не собирался создавать в Англии «абсолютную монархию», а Карл II становится «абсолютным королем».

³ Приведем некоторые примеры. В трактате Томаса Смита, изданном впервые в 1583 г., читаем: «Из старых и древних историй, которые я прочел, я уяснил, что наша нация не знала в королевстве никакой другой власти — ни аристократической, ни демократической, — кроме власти королевской, которая первоначально принадлежала многочисленным и различным королям, каждый из которых абсолютно правил в своей стране, не находясь у другого в подданстве, пока в противоборстве друг с другом, постоянного включения владений победленного во владения победителя, королевство Англия не превратилось в единую Монархию». *Smith T. De Republica Anglorum. Cambridge, 1906. P. 19* (By olde and aunient histories that I have red, I do nor understand that our nation hath used any other generall authorities in this realme neither Aristocraticall, nor Democraticall, but onely the royall and kingly majestie which at the first was divided into many and sundrie kings, each absolutely reigning in his countrie, not under subjection of other, till by fighting thone with thother, the overcommed always falling to the augmentation of the vanquisher and overcommed, at the last the realme of England grew into one Monarchie.). У Томаса Уилсона сказано так: «Известно, что наше королевство есть абсолютная имперская монархия, полученная ни от Папы, ни от Императора, ни от кого-то еще, но от одного Господа». *Wilson T. The State of England, Anno Dom, 1600 //Camden Miscellany. Vol. XVI. London, 1936. P. 1.* (It be knowne that this Kingdome is an absolute Imperial Monarchy held neither of Pope, Emperog, nor any but [of] God alone). У Эдварда Кока сказано следующее: «Наше королевство есть наследственная монархия, реализуемая через право рождения, среди всех других форм, она самая абсолютная и совершенная». *Coke Ed. The Reports of Sir Edward Coke, knight. London, 1826. Vol. II, Part. IV. P. V.* (Our kingdom is a monarchy successive by inherent birthright of all others the most absolute and perfect form of government.). Но поскольку под «абсолютной монархией» понимали еще и независимость от всякой внешней власти, то приведем еще одну цитату, принадлежащую самому известному оппоненту короны в предреволюционной Англии, которая касается непосредственно власти монарха. В парламенте 1621 г. Эд. Кок говорил: «Я не собираюсь вторгаться в королевскую прерогативу, которая двойственна: первая, абсолютная, которой принадлежит право начинать войну, чеканить монету и т.д.; вторая, которая касается вопросов «моего и твоего», и она может обсуждаться в палатах парламента». *Coke Ed. The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke /Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 3. P. 1201* (I will not meddle with the King's prerogative, which is twofold: 1, absolute, as to make war, coin money, etc.; 2, or in things that concern meum et tuum, and this may be disputed of in courts of parliament.). У личного врага Эд. Кока Френсиса Бэкона можно отыскать аналогичное высказывание: «Королю принадлежит двоякая власть: 1. Абсолютная власть, благодаря которой он может набирать войска против какой-либо нации. 2. Его ограниченная власть, которая заявлена и выражена в законах, которые он может использовать. *Bacon Fr. Works /Ed. by J. Spedding. London, 1872. Vol. VII. P. 778.* (A twofold power in the king: 1. His absolute power, whereby he may levy forces against any nation. 2. His limited power, which is declared and expressed in the laws, what he may do).

⁴ *Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England //Historical Journal. 1978. Vol. 21. P. 227–250.* В дальнейшем, мы будем пользоваться прилагательным «абсолютный» применительно к предреволюционной Англии, следуя за трактовкой Дж. Дейли. В Англии, о чем мне уже прихо-

Но если в начале XVII века власть государей не была в действительности абсолютной/произвольной, то не помышляли ли они и отдельные их подданные о том, чтобы она таковой стала? Это как раз тот вопрос, о котором, что называется, спорят историки⁵.

Современных англо-американских исследователей особенно часто привлекает фигура короля Якова I (Британского Соломона), выдвинутые им в печати положения и его реальные политические практики. Если раньше Якова I считали абсолютистом, стремящимся править произвольно, чуть ли не тиранически⁶, то сегодня представители авторитетного «ревизионистского» направления все чаще ставят эту оценку под сомнение. Высказанное Дженни Уормалд⁷ в начале 1980-х гг. предположение о том, что поведение Якова в Шотлан-

дилось писать, власть короля, например, юристы общего права, признавали абсолютной в рамках определенных прерогатив, которые они всегда тщательно перечисляли. См.: Кондратьев С.В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа. Международные альманах. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 98–125.

⁵ См., на мой взгляд, наиболее показательные работы: *Levack B.P. Law and Ideology: The Civil Law and Theories of Absolutism in Elizabethan and Jacobean England // The Historical Renaissance. New Essays on Tudor and Stuart Literature and Culture / Ed. By H. Dubrow and R. Strier. Chicago, 1988. P. 220–241; Peck L.L. Kingship, Counsel and Law in early Stuart Britain // The Varieties of British Political thought, 1500–1800 / Ed. By J.G.A. Pocock. Cambridge, 1922. P. 80–115; Christianson P. Royal and Parliamentary Voices in the Ancient Constitution. C. 1604–1621 // Mental World of the Jacobean Court / Ed. By L.L. Peck. Cambridge, 1991. P. 71–95; Idem. Discourse on History, Law, and Governance in Political Career of John Selden, 1610–1635. Toronto, 1996; Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to the Political thought, 1603–1642. London, 1992; Idem. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. New Haven, 1996; Knafla L.A. Britain's Solomon: King James and the Law // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. By D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 236–264; Fortier M. Equity and Ideas: Coke, Ellesmere, and James VI and I // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. By D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 265–289; Sommerville J.P. Absolutism and Royalism // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700. Cambridge, 1991. P. 347–373; Idem. Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999; Idem. King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. By D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 290–232. Отметим также, что термин «абсолютист» применительно к целому ряду авторов предреволюционной Англии активно используется современными исследователями вигского направления. Дж. Соммервилл дает следующее определение: «Абсолютисты — это мыслители, которые считали, что государь ответственен перед одним Богом за свои действия в королевстве; что его повеления, которым подданные обязаны повиноваться, не входят в конфликт с божественным, позитивным или естественным правом, и что ему (и действию, вызванному его повелением) подданные никогда не будут активно сопротивляться... Действительно, существуют трудности с дефиницией абсолютизма. Есть резон в доводе, что не существовало единой абсолютистской теории. В XVII веке, скорее, существовало несколько традиций мысли, которые освобождали правителей от ответственности перед их подданными. В основе одной такой традиции лежала идея божественного права королей, которая предполагала, что все правители (неважно короли это были, или нет) получили свою власть непосредственно от Бога. Конечно, многие абсолютисты принимали эту теорию. Другие полагали, что власть правителя является необратимым даром, полученным от народа... Хотя абсолютисты расходились в важных вопросах, они все действительно видели в государе верховного создателя и интерпретатора человеческих законов (по крайней мере в светских делах), и они полагали, что государь не может быть смещен ни церковью, ни подданными». *Sommerville J.P. Absolutism and Royalism // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700. Cambridge, 1991. P. 348–349.* Сравните с дефиницией Питера Лейка: «Термин «абсолютист» относится к тем, кто полагал, что объемы политической власти, которыми обладает правитель, являются либо прямым божественным пожалованием, либо необратимым даром народа. Имея моральный долг подчиняться законам страны, такие правители теоретически не связаны человеческим законодательством и, конечно, в случае необходимости свободно могут пренебрегать любым из легальных прав своих подданных. Такое воззрение на власть, таким образом, делало нелегитимной любую и всякую попытку ограничить или поставить на место правителя». *Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterians and English Conformists thought from Whitgift to Hooker. London, 1987. P. 7.* Ревизионисты, настаивающие на политическом и идеологическом консенсусе в предреволюционной Англии, тем не менее считают, что термин «абсолютист» может быть применим к «исключительным», «нетипичным» авторам, как например, Филмер или Гоббс. *Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. P. 211, 216–221.**

⁶ *McIlwain C.H. The High Court of Parliament and Its Supremacy. New Haven, 1910. P. 348; Idem. The Political Works of James I. Cambridge, Mass. 1918. P. XXXVI–XLIII; Gooch G.P. The History of English Democratic Ideas in the Seventeenth Century, 1898.*

⁷ *Wormald J. James VI and I: Two Kings or One? // History. Vol. 68. P. 187–209.*

дии и Англии качественно отличалось одно от другого, нашло как противников, так и сторонников.

Джон Миллер и Джон Кенион одними из первых предложили отделить политическую теорию Якова от его политической практики⁸. Причем Дж. Кенион подчеркивал, что реальные политические шаги короля никогда не выходили за пределы неписаной английской конституции⁹.

По мнению Гленна Берджесса, не следует проводить какие-то различия между Яковом VI и I. При переезде в Англию никакого дисконтинуитета в воззрениях монарха не произошло. Он никогда не считал свою власть неограниченной, и поэтому «не заслуживает наименования абсолютиста»¹⁰. «Абсолютистом» же Г. Берджесс считает «мыслителя», который утверждал, «что король может давать законы подданным, не прибегая к согласованию, что на практике ... означало требование, что прокламации должны стоять выше статута или общего права. Такой абсолютный монарх не может считаться тираном до тех пор, пока он (или, не так уж редко, она) уважает моральные правила функционирования абсолютной власти, содержащиеся в естественном или божественном праве. Тиран, мы можем напомнить самим себе, отличается от подлинного короля скорее моральными, чем конституционными характеристиками... Из этого следует, что король виделся человеком, наделенным властью создавать законы, обязательные для всех индивидуумов и групп в королевстве, но который сам не связан позитивным правом»¹¹. Г. Берджесс пишет, что Яков, напротив, выражал готовность следовать и поддерживать законы.

Изучая правовые взгляды первого Стюарта на английском престоле, Лоис Кнафла приходит к выводу, что тот долгое время неправильно интерпретировался историками. В своих воззрениях и в реальной политике Яков всегда оставался в рамках, очерченных английским общим правом¹².

Канадский историк Пол Кристиансон полагает, что Яков может считаться носителем абсолютистской идеи только в своих ранних работах «Базилон дорою» (1599) и «Истинный закон свободной монархии» (1598), написанных им, видимо, одновременно еще в бытность шотландским королем Яковом VI. В них государь изложил свои воззрения на божественную природу королевской власти, которой, не восставая против самого Господа, нельзя сопротивляться, даже если повеления короля являются произвольными, а короли ведут себя подобно тиранам. П. Кристиансон подчеркивает отличие предреволюционной Шотландии от Англии, где Якову приходилось преодолевать сопротивление, иногда вооруженное, и критику со стороны пресвитерианской церкви. Кроме того, пишет историк, сама по себе идея божественного происхождения власти высказывалась еще Тюдорами и не могла вызывать у англичан аллергию. Получив английский престол, Яков I, пишет он, сумел адаптироваться и уже не мыслил себя «абсолютистом» вплоть до 1621 г. Водораздел, по мнению П. Кристиансона, приходится на 1610 г, когда в своей знаменитой речи от 21 марта Яков I признает право менять и издавать законы только за королем в парламенте. Кроме того, Стюарт, обращаясь к депутатам, с большим почтением отзывается об английском общем праве, «которое устанавливает корону на его челе и только в соответствии с которым он может быть королем в Англии». Эти и другие высказывания Якова дают основания П. Кристиансону вести речь о двух Яковах: Якове VI Шотландском — абсолютисте и Якове I Английском — чуть ли не конституционалисте, который до 1621 г. не высказывал претензий править, не считаясь с традиционными положениями и процедурами¹³.

⁸ Miller J. Op. cit. P. 256n1; Kanyon J.P. The Stuart Constitution. Cambridge, 1996.

⁹ Kanyon J.P. Op. cit. P. 8.

¹⁰ Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. P. 40–43.

¹¹ Ibid. P. 98. Речь о притязаниях власти вносить изменения в право, издавая прокламации. О прокламациях см.: Кондратьев С.В. Дискуссия о правовом статусе королевских прокламаций в Англии в начале XVII в. // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1987. Вып. 2 (№9). С. 89–92.

¹² Knafla L.A. Op. cit. P. 236–264.

¹³ Christianson P. Royal and Parliamentary Voices in the Ancient Constitution C. 1604–1621. P. 71–95. Отметим, что точку зрения П. Кристиансона можно встретить в общей литературе по предреволюционной и революционной Британии. См., например: Woolrych A. Britain in Revolution, 1625–1660. Oxford, 2004. P. 21.

Г. Берджессу и П. Кристиансону возражает Джоанн Соммервилл. Дж. Соммервилл пишет, что Г. Берджесс идентифицирует «абсолютистов» только по утверждению о единоличном праве короля быть законодателем. При этом, если предполагалось, что монарх нравственно обязан считаться с естественными и божественными установлениями, то даже моральных обязательств следовать собственным законам и законам страны на него не накладывалось. Получается, подмечает Дж. Соммервилл, что тот «правитель, который не менял законы, не мог быть абсолютистом», хотя при нем вводились налоги без согласия подданных, взимались произвольные поборы и производились аресты без объявления причин¹⁴.

Еще более обстоятельной критике Дж. Соммервилл подверг точку зрения П. Кристиансона. Прежде всего, он замечает, что вышедшие еще в Шотландии «Базилкон дорон» и «Истинный закон свободной монархии» затем переиздавались в Англии, но король не вносил в них существенных изменений, что противоречит тезису о двух Яковах¹⁵. Заявленная Яковом I в 1610 г. позиция, что «добрый король должен править в согласии с правом», по мнению Дж. Соммервилла, не свидетельствует о приверженности монарха конституционализму. Кроме того, она встречается у многих континентальных абсолютистов, которые писали, что король может позволить себе подчиниться закону, хотя никто не может принудить его поступать так. Быть конституционалистом, продолжает историк, значит признавать идею, «что права и обязанности выборных лиц и частных граждан, определенные конституцией, стоят выше и независимы от воли короля... Конституционные монархи правят в границах, определенных конституцией. Если они пытаются обходить ограничения, люди просто не повинуются им... Пока граждане действуют согласно конституции, правителю чрезвычайно трудно стать тираном»¹⁶.

Дж. Соммервилл подчеркивает, что, если бы Яков I действительно превратился бы в 1610 г. в конституционалиста и монарха, считающегося с общим правом, то он не запрещал бы коммонерам в 1610 г. обсуждать его прерогативу, не навязывал бы стране импозиции¹⁷, не увольнял бы в 1616 г. Эд. Кока, отстаивающего приоритет права по отношению к прерогативе, с должности главного судьи королевства.

Подытоживая, Дж. Соммервилл отмечает, во-первых, что нет никаких значимых доказательств тому, что Яков I читал какие-то трактаты об общем праве, тогда как работы Жана Бодена, Адама Блэквуда и других «абсолютистов» были в его библиотеке и постоянно использовались монархом. Во-вторых, если Эд. Кок и другие английские юристы апеллировали к «бессмертной» правовой традиции, чтобы обозначить границы прерогативы, то король обращался к истории, чтобы опровергнуть представления о незыблемости права. В-третьих, абсолютисты, призывая соблюдать старинные законы, не возбраняли монархам в случае необходимости менять их. И Яков поступал так же: он предостерегал своего сына Карла против «расширения своей королевской прерогативы» и одновременно позволял делать это в случае необходимости. В-четвертых, после 1610 г. Яков I не отказался от речевых конструкций «божественного права», «разума» и «природы» в пользу дискурса общего права. Свой вывод Дж. Соммервилл формулирует в словах, не оставляющих никаких сомнений в его трактовке: «Был только один Яков, который никогда не перемещался от абсолютизма к конституционализму и который никогда не изучал язык общего права»¹⁸.

¹⁴ *Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640.* London, 1999. P. 228–230.

¹⁵ В частности, оба трактата вышли в собрании работ Якова по-английски в 1617 г., и затем по-латыни в 1619 г. Дж. Соммервилл замечает, что только в длинном предисловии к английскому и латинскому изданиям «Базилкон дорон» Яков I сделал пояснения: в первом случае для английской, а во втором для европейской аудитории. См.: *Sommerville J.P. King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. By D. Fischlin.* Detroit. 2002. P. 297.

¹⁶ *Ibid.* P. 299, 302. Отметим, что такое определение, столь близкое сегодняшнему человеку, едва ли можно встретить в английских произведениях предреволюционной Англии. Не говоря уж о том, что Англия того времени знала подданных, но не граждан. Дж. Соммервилл в пылу полемики, следуя за П. Кристиансоном, слишком явно пренебрегает подзабытым и немодным сегодня, но по-прежнему необходимым историзмом.

¹⁷ Сомнительные с точки зрения права и парламента пошлины.

¹⁸ *Sommerville J.P. King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution.* P. 296–306.

Изложенная дискуссия представляется интересной, но мало продуктивной, ибо оппонентам не удается убедить друг друга. В конечном счете, все сводится к использованию уже упоминаемых ранее различных инструментальных понятий, благодаря которым Яков становится то приверженцем права, то эволюционистом, то абсолютистом. Не проясняют проблему и попытки вписать то или иное фиксированное во времени высказывание монарха и других идеологов в соответствующий хронологический политический контекст¹⁹.

Представляется важным рассмотреть некоторые высказывания, включая те, что были направлены на расширительное толкование королевской прерогативы. Риторика и фигуры речи способны пролить дополнительный свет на существующие практики, если смотреть на них через призму возможностей реализации. Кроме того, всегда можно извлечь дополнительные смыслы в точках пересечения политических интенций и самой жизни. Поставленную задачу мы попытаемся решить на трех примерах: уже упомянутой речи короля Якова I от 21 марта 1610 г., которую соотнесем с его реальными политическими практиками, на некоторых пассажах, вошедших в книгу Джона Коуэлла «Интерпретатор», изданную в 1607 г. и их резкой критике в парламенте 1610 г., а также на проповеди «Религия и преданность», произнесенной в июле 1628 г. королевским капелланом Роджером Мэнверингом перед Карлом I, и на тех последствиях, которые она возымела.

Коротко охарактеризуем событийный контекст речи английского монарха. 9 февраля 1610 г. в Вестминстере открылась 4-я сессия первого парламента Якова I. Причины созыва сессии обозначил в своих выступлениях лорд-казначей Роберт Сесил сначала перед лордами 14 февраля, а спустя день — перед общим собранием обеих палат. Причин оказалось две: 1. Пустота королевской казны, 2. Наделение наследного принца Генри титулом принца Уэльса и графа Честера²⁰. Первая причина, очевидно, была основной. Действительно, предшественница Стюарта королева Елизавета Тюдор оставила ему долг в 400 тыс. фунтов. К 1606 г., благодаря мерам лорда-казначая Томаса Саквилла, графа Дорсета, долг был сокращен до 250 тыс. Однако упорядочить финансы не удалось. Казна сильно потратилась на переезд королевской семьи из Шотландии (10 тыс. фунтов), на похороны Елизаветы (20 тыс. фунтов), на организацию празднеств во время въезда короля в столицу (10 тыс. фунтов), на размещение, содержание и развлечение иностранных послов и делегаций, прибывших по случаю смены династии (еще 40 тыс. фунтов). Значительные суммы Яков I раздал придворным. Следуя примеру предшественницы, Яков I попросил парламент покрыть его «нужды». Но Елизавета обращалась к парламенту в период ведения войны с Испанией. Стюарт же еще в 1604 г. подписал мир. Поэтому просьба короля, обращенная к парламенту в 1606 г., хотя и была удовлетворена, но уже тогда в стенах палаты общин говорилось, что невозможно заполнить королевские сундуки, поскольку они не имеют дна, и что «субсидия есть публичный вклад, который не может быть потрачен частным образом, на подарки, покрытие расходов и на церемонии». В 1606 г. король получил право собрать субсидий на общую сумму в 400 тыс. фунтов. Думается, что тогда парламент убедило не столько красноречие королевских советников, сколько раскрытый годом раньше католический Пороховой заговор.

Справедливости ради, следует сказать, что ненадежная католическая Ирландия заставляла там держать постоянно войска, содержание которых в первые пять лет правления новой династии обошлось казне в 600 тыс. фунтов. Доставшиеся в наследство английские гарнизоны в Голландии ежегодно обходились короне в 25 тыс. фунтов. Это были публичные, государственные расходы, но общество их не считало таковыми²¹. Естественно, что и расходы на

¹⁹ Когда-то именно в этом упрекал Дж. Соммервилла Дж. Миллер. См.: *Miller J. Op. cit.* P. 256, 1n. В последующей исследовательской деятельности Дж. Соммервилл показал, что этот упрек был беспочвенным. См., например, описание контекста в *Sommerville J.P King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution.* P. 293.

²⁰ *Proceedings in Parliament, 1610 /Ed. by E.R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P. 3–8; Proceedings in Parliament, 1610 /Ed. by E.R. Foster. Vol. II. House of Commons. New Haven, 1966. P. 9–27.* На самом деле крещая принца Генри новыми титулами произойдет несколько позже. Патент об этом датирован 4 июня 1610 г. См.: *Travers J. James I. The Masque of Monarchy. Richmond, 2003. P. 72–73.*

²¹ Информация взята из: *Lockyer R. The Early Stuarts. Political History in England, 1603–1642. P. 80–83.*

содержание не имеющей семьи и детей Елизаветы Тюдор были существенно более скромными, чем обремененного женой и отпрысками Якова I.

В 1608 г. умер Дорсет и должность казначея перешла к Роберту Сесилу, графу Солсбери. Долг казны к этому времени вырос почти до 600 тыс. фунтов. Солсбери пытался бороться с дефицитом организацией более строгого учета и контроля за использованием королевских земель, а также их распродажей. Опираясь на решения судей от 1606 г. по делу Бейта, которые признали законность взимания импозиций (новых пошлин), Р. Сесил в 1608 г. издал специальный перечень товаров (всего 1400 наименований), с которых должны были взиматься импозиции. Несмотря на все вышеперечисленные усилия, к осени 1610 г. королевский долг составлял 280 тыс. фунтов, а с учетом ежегодных расходов казна нуждалась в сумме несколько большей, чем 500 тыс. фунтов. Собирая зимой 4-ю, а затем осенью 1610 г. 5-ю сессию парламента, король и лорд Солсбери надеялись получить субсидий на общую сумму в 600 тыс. фунтов²².

Помимо растущих финансовых запросов короны, у подданных были и другие поводы для недовольства, о чем депутаты не преминули заявить. Они привычно и традиционно сформировали комитет, который начал рассматривать бедствия, проблемы, язвы (*grievances*) страны, и выразили желание их врачевать. Неудовольствие вызывала политика широкого предоставления благородного рыцарского звания, которое в соответствии с традицией должно было даваться за военные заслуги²³. Должностные лица при дворе и органах власти с подозрением относились к прибывшим в Англию вместе с новым королем шотландцам. По мнению первых, королевские милости начали обходить их стороной. Еще подданным казалось, что государство недостаточно жестко противодействует деятельности непримиримых католиков, т.н. рекузантов. Того количества казней, которые последовали после 1605 г., недостаточно, а введенная парламентом в 1606 г. в новой редакции присяга верности для католиков не вполне определена²⁴. На их взгляд, Высокая комиссия, напротив, слишком активно насаждает единообразие в англиканской церкви и производит аресты. Владельцы бывших церковных земель, нежелающие платить с них десятины, и поддерживающие их юристы полагали, что такие дела должны рассматриваться исключительно в судах общего права. Церковь же считала иначе, что приводило к столкновениям светской и церковной юрисдикций²⁵. Некоторым подданным казалось, что в угоду требованиям епископата и своих советников, король недостаточно почтителен в отношении общего права, которое определяет границы королевской прерогативы и защищает права и вольности подданных. И вообще, ему, как выходцу из Шотландии, ближе нормы и положения римского (швильного) права, которые в этой северной стране в адаптированном виде распространены, чем традиционное и почтенное английское общее право. К тому же служащие в церковных судах и помогающие англиканскому клиру английские юристы римского права откровенно выступают за расширение королевской прерогативы. Выпущенный в 1607 г. доктором римско-

²² См.: *Coward B. The Stuart Age. A History of England, 1603–1714.* London, 1980. P. 119–120. Всего же король получит одну субсидию в размере 100 тыс. фунтов.

²³ По подсчетам Л. Стоуна за весь 44-летний период правления Елизаветы рыцарский титул получили 878 человек, тогда как Яков I за первый год своего правления произвел 934 рыцарских креации. Уже после описываемых нами событий, в 1611 г. Яков I учредил новое звание баронета и почти одновременно произвел 90 креаций. См.: *Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641.* Oxford, 1965. P. 71–74, 85, 95, 775 Appendix III.

²⁴ О присяге верности (*The Oath of Allegiance*) см.: *Patterson W.B. King James VI and I and the Reunion of Christendom.* Cambridge, 1997. P. 78–80. По поводу присяги верности Якову I пришлось вести печатную полемику с кардиналом Беллармине и издать в 1608 г. специальный трактат «*Triplici Nodo, Triplex cuneus. Or an Apologie for the Oath of Allegence*».

²⁵ Королевские суды (Суд Королевской скамьи и Суд Общих тяжб) имели специальные процедуры изъятия дел из нижестоящих, в том числе церковных судов. Если им нужно было освободить незаконно заключенное под стражу лицо, они могли издать приказ «*Habeas corpus*», если им нужно было изъять имущественное дело у другого, в том числе церковного, суда они издавали «приказ о запрещении» (*writ of prohibition*). В 1605 г. архиепископ Кентерберийский Ричард Банкрофт обращался даже со специальной жалобой к королю по этому поводу, изложенной в 25 статьях. Судьям общего права во главе с Эд. Коком пришлось тогда давать по этому поводу аргументированный ответ, опровергая все нападки духовенства. См. подробнее: *Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии.* Щадринск, 1993. С. 63–78.

го права Джоном Коуэллом словарь юридических терминов подстегиал эти подозрения, о чем парламентарии не преминули заявить²⁶.

Дж. Коуэлл писал, что слово «король... обозначает того, кто обладает высшей и абсолютной властью над всей нашей землей, и в отношении короля право гласит, что он свободен от всех недостатков, которым подвержены обычные люди... Он выше закона в силу своей абсолютной власти... Прерогатива короля — это та особая власть, превосходство или привилегия, которые он имеет в любой сфере, благодаря которой король стоит над и выше других людей, и выше — по привилегии своей короны — обычного действия общего права»²⁷. Цивилист признавал, что король принимает законы в парламенте, но делает это исключительно из милости, или, как писал он, исключительно из «политического милосердия». Кроме того, «привязывать государя к этим или этими законами, значить, извращать природу и устройство абсолютной монархии»²⁸. Здесь нет места подробно останавливаться на пассажах доктора римского права, но, как кажется, для Дж. Коуэлла степень абсолютного/совершенного зависит от степени близости его обладателя к Богу, который абсолютен/совершенен в самом высшем смысле. Понятно, что король, стоящий непосредственно за Богом, может творить совершенные вещи/деяния, уступающие божественным, но превосходящие человеческие. Теперь, думается ясно, почему, по Коуэллу, можно и не обращаться к парламенту при выработке законов, ибо король лично, в силу своих совершенных качеств, сделает их по крайней мере не хуже, чем уступающие ему по степени достоинства подданные. Поэтому и «субсидия предоставляется подданным государю в порядке компенсации или награды за то, что он из милости принимает согласие своих подданных, хотя государь по своей абсолютной власти может издавать законы сам»²⁹.

Четвертая сессия парламента практически сразу же осудила интерпретации Коуэлла и, несмотря на заступничество архиепископа Банкрофта, потребовала его наказания, с чем Якову I, в конце концов, пришлось согласиться³⁰.

Накануне произнесения речи перед обеими палатами парламента ситуацию испортил епископ Честера Сэмюэль Харнетт, который в ходе проповеди в Уайт-холле вслед за Коуэллом поучал, что субсидия не является добровольным даром подданных, поскольку король имеет право собирать налоги без их согласия³¹. И теперь от короля и членов правительства ждали каких-то комментариев.

Были и более частные случаи, вызывающие раздражение подданных. Такой случай касался деятельности Стефана Проктера, который в 1608 г. инициировал для себя создание новой должности в Суде Казначейства (Exchequer) — должности сборщика штрафов за нарушения уголовных законов. Новый клерк должен был бороться со злоупотреблениями должностных

²⁶ О роли и значении юристов римского права в предреволюционной Англии см.: *Levack B.P. The Civil Lawyers in England, 1603–1641. A Political Study.* Oxford, 1973.

²⁷ *Cowell J. The Interpreter, or Book containing the Signification of Words.* Cambridge, 1607. K1, PR. «King is... signifying him that hath the highest power and absolute rule over whole Land, and thereupon the King is in intendment of Law cleared of those defects, that common persons be subject unto... Praerogative of the King (praerogative regis) is that especial power, preeminence, or privilege that King hath in any kinde, over and above other persons, and above the ordinarie course of the common lawe, in the right of his crowne»

²⁸ *Ibid.* PA. «And therefore though it be a mercifull policie, and also a politique merci (not alterable without great perill) to make lawes by the consent of the whole Realme, because of no one part shall have cause to complaine of a partialitie, yet simply to bind the prince to or by these lawes, were repugnant to the nature and constitution of an absolute monarchy».

²⁹ *Ibid.* SU. «This subsidie is graunted by the subject to the Prince, in recompence or consideration, that whereas the Prince of his absolute power, might make lawes of himself, he doth of fauour admit the consent of his subjects therein».

³⁰ Об этом см.: *Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640.* London, 1999. P. 113–119. Любопытно, что прокламация, осуждающая книгу Коуэлла, была издана королем 25 марта, т.е. через 4 дня после произнесения им интересующей нас речи. Прокламация осудила «ошибки» автора и запретила продажу и распространение книги. Более пространно сюжет с Коуэллом мы намерены рассмотреть в следующей статье.

³¹ О Самуэле Харнетте, епископе Честера, см.: *Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640.* London, 1999. P. 124. Проповедь была произнесена 11 марта 1610 г.

лиц на местах, которые нередко за мзду уменьшали суммы выплат. Кроме того, ему в обязанности вменялась проверка поступающих от информаторов сведений, касающихся манипуляций с исполнениями уголовных приговоров. По замыслу Проктера, теперь все штрафы и вся информация о злоупотреблениях должна была поступать только в одни, его руки. Кроме того, он получил право проверять доносы и преследовать недобросовестных доносчиков. Но вскоре выяснилось, что новый клерк тоже не безупречен. К 1610 г. его деятельность стала объектом критики, а созванная сессия начала против него процедуру импичмента³².

20 марта 1610 г. Яков I, выступая перед палатой лордов, в присутствии лорда канцлера Томаса Эллесмера, обоих архиепископов, лорда-казначея Роберта Сесила и хранителя печати Тайного Совета Генри Говарда приказал на следующий день в 9 часов утра собрать обе палаты парламента в Уайт-холле, где он намеревался произнести речь³³. У меня под рукой три версии этой речи. Две из них являются изложением выступления короля и принадлежат в первом случае Генри Гастингсу, графу Хантингтону³⁴, во втором — клерку палаты общин, который фиксировал происходившие в ней события³⁵. И, наконец, уже в 1610 г. речь Якова I трижды издавалась и затем была включена в собрание его сочинений, увидевшее свет в 1616 г. Недавно вышедшее издание Дж. Сомервилла включает эту речь короля, при этом подчеркивается, что издатель, публикуя ее, следовал за изданием 1616 г. и одной из редакций 1610 г.³⁶

В произнесенной речи Яков I не только касался природы и полномочий королевской власти, но и политических событий, непосредственно ей предшествующих. Яков I начал свое выступление перед палатами с упоминания о том, что их встреча происходит во время Великого поста³⁷, что буквально пару дней назад каждая из палат выразила ему благодарность за полученное разрешение обсудить состояние традиционных доходов короны и что настоящее собрание, где сошлись король, лорды и общины, напоминает ему своим числом совершенство Троицы. Его появление в парламенте депутаты могут рассматривать как проявление ответной благодарности и сравнивать с «чистейшим зеркалом», в котором, однако, отражаются не их лица или фигуры, а видно его королевское сердце. Напомнив присутствующим слова Соломона, что сердце государя в руке Господа, он перефразировал их так: «Сердце государя (*отражается*). — С.К.) в глазах народа». Использование цитат при разговоре с парламентом король находил полезным, поскольку реминисценции питают и укрепляют память, подобно пище, которая питает и укрепляет тело³⁸.

Последующие его слова касались трех «принципиальных вещей», а именно: 1. Предоставления государству помощи в его нуждах (*necessities*), ради чего, собственно, был собран парламент; 2. Недостатков и несовершенств, которые существуют в стране, и раздражают подданных. Эти недостатки подданные называют «притеснениями», «обидами», «горестями» (*grievances*) и с жалобами на них обращаются к королю; 3. Возникших в парламенте и обсуждаемых внутри и вне его «сомнениях» относительно «намерения короля». Этот воп-

³² *Lockyer R.* Op. cit. P. 191–192; *Hill L.M.* Bench and Bureaucracy. The Public Career of Sir Julius Caesar, 1580–1636. Stanford, 1988. P. 147–148.

³³ *Proceedings in Parliament, 1610* / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P. 44.

³⁴ *Ibid.* P. 44–52.

³⁵ *Proceedings in Parliament, 1610* / Ed. by E.R. Foster. Vol. II. House of Commons. New Haven, 1966. P. 59–63. Издатель парламентских материалов Элизабет Фостер специально подчеркивала, что имена парламентского клерка и его ассистентов, фиксировавших материалы сессии 1610 г., остались неизвестными. См.: *Foster E.R.* Introduction // *Proceedings in Parliament, 1610* / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P. XXXIV–XLIX.

³⁶ *King James VI and I Political Writings* / Ed. by J.P. Sommerville. Cambridge, 1994. P. 295, n851.

³⁷ *Ibid.* P. 179. Великий пост в 1610 г. начался 21 февраля и закончился 8 апреля. Действительно, 19 марта нижняя палата, а 20 марта верхняя выразили ему упомянутую благодарность. См.: *Ibid.* P. 295, n852; *Proceedings in Parliament, 1610* / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. P. 42–44.

³⁸ *King James VI and I Political Writings* / Ed. by J.P. Sommerville. P. 179. «That as it is a trew Axiome in Divinite, That Cor Regis is in manu Domini, So wil I now set Cor Regis in oculis populi... Yet as corporall food nourisheth and mainteineth the body, so doeth Reminiscentia nourish and maintein memory». Сравните: «The king's heart is in the hand of LORD»: Proverbs, 21:1. Здесь и далее все библейские цитаты взяты из: The Holy Bible... authorized King James Version. Iowa: World Bible Publishers. Iowa.

рос, по словам Якова, касался «высшей природы», а по словам парламентского клерка, того, «что король может делать, или вопроса о его власти»³⁹.

Причем одни полагали, что король в основном придерживался принятой издревле формы правления и исполнял «законы королевства», а другие подозревали его в желании не только выйти за известные границы, но и в намерении изменить их своей абсолютной властью, когда он сочтет ограничения для себя неудобными⁴⁰.

Коснулся монарх слухов о его якобы существующих римско-правовых предпочтениях. Некоторым англичанам кажется, сказал Яков I, что «я будто бы хочу, чтобы в управлении народом гражданское право заняло бы место общего». Книга доктора Коуэлла укрепляла такие подозрения. Через своего казначея Роберта Сесила ему уже приходилось развеивать страхи подданных⁴¹. Дабы не выставлять того «как честнейшего человека» лжецом и не обманывать ожидания парламентариев, король готов подтвердить свою приверженность общему праву еще раз и заявить, что он не давал никогда повода подозревать его. Хотя король не обязан отчитываться перед своим народом за свои действия, он готов «открывать свое сердце и намерение ему по каждому случаю»⁴².

Свои дальнейшие рассуждения и ответы на упреки, король предваряет изложением ряда фундаментальных положений. Начинает он с определения монархии. «Монархия является высшим явлением на земле. Ибо короли не только заместители Господа на земле, не только восседают на троне Бога, но даже — по установлению Бога — называются Богами. Есть три принципиальных сходства, которые являются иллюстрациями к монархии. Одно следует из слова Бога, два других — из основ политики и философии. В Писании короли названы Богами, и поэтому их власть в некотором роде сопоставима с божественной властью⁴³. Короли также сопоставимы с отцами семейств, ибо король, в действительности, есть отец отечества, политический отец своего народа. И последнее, короли сопоставимы с главой микрокосма, каковым является тело человека»⁴⁴.

Судя по аргументации монарха, короли вправе именоваться Богами потому, что они обладают «атрибутами» Господа, среди которых «власть творить или разрушать, делать или не делать по своему желанию, давать жизнь или посылать на смерть, судить всех и не быть судимым никем, возвышать по своему желанию низких или опускать возвысившихся». Подданные не смеют судить государя, он ответственен за свои поступки только перед самим Богом. Он вправе двигать

³⁹ Сравните: «The third ground that hath been handled amongst you, and not onely in talke amongst you in Parliament, but euen in many other peoples mouthes, aswell within, as without the Parliament, is of a high nature then any of the former (though it be but an Incident?) and the reason is, because it concernes a higher point; And this a doubt, which hath been in the heads of some, of my Intention in two things». King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 180. «the third business was an accident by chance, yet of an high nature, to dispute what the king may do or of his power». Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. P. 45.

⁴⁰ King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 180. «First, whether I was resolu'd in generall still my government according to the ancient form of this State, and the Lawes of the Kingdom: Or if I had an intention not to limit my self within those bounds, but to alter the same when I thought conuenient, by the absolute power of a King».

⁴¹ См. заявление Роберта Сесила от 8 марта 1610 г. Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. House of Commons. New Haven, 1966. P. 30–31.

⁴² King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 180–181.

⁴³ Речь, видимо, идет о 82 псалме Давид, где написано: «Я сказал: Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы». «I have said, Ye are gods; and all of you are children of the most High». Psalms 82 : 6. К этому псалму в своей речи Яков I будет обращаться еще несколько раз.

⁴⁴ King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 181. «The State of MONARCHE is the supremest thing vpon earth: For Kings are not onely GODS Lieutenants vpon earth, and sit vpon GODS throne, but euen by GOD himself they are called Gods. There bee three principall similitudes that illustrate the state of MONARCHE: One taken out of the word of GOD; and two other out of the grounds of Policie and Philosophie. In the Scriptures Kings are called Gods, and so their power after a certain relation compared to the Diuine power. Kings are also compared to Farther of the families: for King is trewly Parens patriae, the politique father of his people. And lastly, Kings are compared to the head of this Microcosme of the body of man».

подданных, как фигуры на шахматной доске. Они обязаны служить ему как душой, так и телом. Поэтому, продолжает Яков I, если подходить к утверждениям Самуэля Харснетта, епископа Честера, абстрактно, то они безошибочны. «Поскольку императорам и королям, как монархам, подданные обязаны предоставить самих себя и свое имущество для своей же защиты и сохранности». Епископ просто забыл обозначить разницу между божественной сущностью и земным существованием власти, что король, защищая его, не преминул сделать. «Если бы я оказался на его месте, я бы только добавил два слова, которые бы все прояснили». Выказавшись в общем плане, как богослов, по поводу долга подданных помогать королям епископ должен был обратиться к английской реальности — к «установленному королевству», «фундаментальным законам и порядкам», согласно которым, подданные «(будучи собранными с этой целью в парламенте) должны сейчас изучить, как помочь тому королю, которого они имеют»⁴⁵.

Как отцам семейств, королям по естественному праву принадлежит отеческая власть (частью которого является право жизни и смерти) над их детьми и семьями. Таковую власть они получили по наследству от предков. Эта власть включает в себя право распределять наследство между детьми по своему желанию, т.е. исключать из наследования старших и предпочитать младших; делать одних нищими, других богатыми, одних приближать, других изгонять за преступления, а затем последним возвращать свою милость после покаяния в грехах. Обладая такими патриархальными полномочиями, король может использовать их в отношении своих подданных⁴⁶.

Как глава естественного тела, король вправе отдавать повеления «всем членам» и использовать их по своему усмотрению. Он может также использовать «горькие лекарства, отсекающие члены, пускать кровь в тех пропорциях, которые сочтет нужными, и которые могут вылечить тело, но все-таки вся эта власть дана Богом для созидания, но не для разрушения»⁴⁷. Бог владеет разрушительной мощью, но она противна его мудрости, мудрости Создателя, через творения которого проявляется его величие. То же самое касается и земного аналога Бога — короля: только плохой отец может лишать наследства или «разрушать» своих детей без причины; только больная голова станет пускать кровь телу, становясь причиной разрушения его⁴⁸.

⁴⁵ Ibid. P. 181–182. «Kings are iustly called Gods, for that they exercise a manner or resemblance of Diuine power vpon earth: For of you wil consider the Attributes to God, you shall see how they agree in the person of the King. God hath power to create, or destroy, make, or vnmake at his pleasure, to giue life, or send dearth, to iudge all, and be iudged not accomptable to none: To raise low things, and to make high things low at his pleasure, and to God are both soule and body due. And the like power haue Kings: they make and vnmake their subjects: they haue power of raising, and casting down: of life, and of dearth: iudges ouer all their subjects and all causes, and yet accomptable to none but God onely. They haue power to exalt low things, and abase high things, and make of their subjects like man at the Chesse; A pawne to take d Bishop or a Knight, and cry vp, or downe any of their subjects, as they do their money... For to Emperors, or Kings, that are Monarches, their Subjects bodies and goods are due for their defence and maintenance. But if I had bent in his place, I would only haue added two words, which would cleared all... For after I had told as a Diuine, what was due by Subjects to their Kings in generall, I would then haue concluded as an Englishman... they were now (being assembled for this purpose in Parliament) to consider how to helpe such a King as now they had...»

⁴⁶ King James VI and I Political Writings /Ed. by J.P. Sommerville. P. 182. «As for the Father of a familie, they had of olde vnder the Law of Nature Patriam potestatem, which was Potestatem vitae & nectis, ouer their children or familie... Now a Father may dispose of the Inheritance to his children, at his pleasure: yea, euen disinherit the eldest vpon iust occasions, and preferre the youngest, according to his liking: make them beggers, or rich at his pleasure; restraine, or banish out of his presence, as hee findes them giue cause of offence, or restore them in faour againe with the penitent sinner: So may King deale with his Subjects.»

⁴⁷ Ibidem. «And lastly, as for the head of the natural body, the head hath the power of directing all the members of the body to that vse which the iudgement in the head thinks most conuenient. It may apply sharpe cures, or cut off corrupt members, let blood in what proportion it thinkes fit, and as the body may spare, but yet is all this power ordained by God Ad aedificationem, non ad destructionem.» Сравните данную цитату со 2-м посланием к Коринфянам. Cf. 2 Corinthians 10:8 «For though I should boast somewhat more of our authority, which the Lord hath given us for edification, and not for your destruction, I should not be ashamed»; 13:10 «Therefore I write these things being absent, lest being present I should use sharpness, according to the power which the Lord hath given me to edification, and to destruction».

⁴⁸ Ibid. P. 183.

В своей речи Яков I подчеркивает различие в положении короля времен создания государства, когда индивидуально принадлежащая монарху власть не регулировалась, и короля государства, уже существующего. Вновь обращаясь к Богу, который установил церковь, оплаченную и спасенную «кровью его единственного сына Христа», и который «в дальнейшем всегда управлял своим народом и церковью в границах, его волей установленных», Яков I вспоминает о первых королях. Они изначально могли получить власть либо посредством завоевания, либо посредством избрания народом. В обоих случаях первоначально их воля заменяла закон. «Но как только королевства стали приобретать гражданскую и политическую форму, короли ограничили свои замыслы законами, которые надлежащим образом делаются только королями». Так король стал «говорящим законом», связанным клятвой защищать как народ, так и законы королевства. Законы, напоминают Якову I, соглашение, обязательное для двух сторон: короля и народа. «Поэтому каждый справедливый король в установленном королевстве обязан соблюдать заключенный им с народом посредством законов пакт», т.е. поступать так, как поступает Бог, заключивший соглашение с Ноем: «Впредь, во все дни на земле сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся». Король, пренебрегающий законами, «вырождается» в тирана. Но против тирана народу восставать непозволительно. Народу достаточно знать, что Господь никогда не оставит королей безнаказанными, если они нарушили установленные границы власти⁴⁹. Для вознесенного высоко падение будет более сильным⁵⁰. «Следовательно, все те короли, которые не превратились в тиранов или нарушителей справедливости, сами рады удерживать себя в границах своих законов; а те, кто убеждает их в обратном, змеи и моровые язвы, действующие против них и общего блага... Что до меня, то я, благодаря Богу, всегда подавал доброе свидетельство тому, что у меня никогда не было противного намерения. Я уверен, что сойду в могилу с репутацией и известностью, что никогда не было короля, с большей заботой соблюдающего свои законы, чем я»⁵¹.

Развивая это положение, король отказывает подданным в праве обсуждать его власть. Обсуждать власть государей, такой же грех, как обсуждение деяний Бога. «Рассуждения между тем, что может быть, и тем, что есть, противно как логике, так и богословию. Поэтому бунтовщиками являются те, кто обсуждают то, что король может делать по своей высшей власти». Но государи, в свою очередь, если они не хотят навлечь на себя гнев Бога, должны открывать свои намерения подданным. «Я, — заключает мысль Яков I, — никогда не соглашусь, чтобы мою власть обсуждали, но я всегда буду объяснять все свои деяния и проводить свои акции в соответствии с моими законами»⁵².

⁴⁹ Ibid. P. 183. «In these our times we are to distinguish between the state of Kings in their first originall, and between the state of settled Kings and Monarches, that doe at this time gouerne in ciuill Kingdomes... For euen as God... how soon it pleased him to settle a Church which was bought, and redeemed by blood of his onely Sonne Christ... Hee euer after giuering his people and Church within limits of his reueiled will. So in the first originall of Kings, whereof some had their beginning by Cinquest, and some by election of the people, their wills at that time serued for Law: Yet how soone Kingdomes began to be settled in ciuillite and policie, then did Kings set downe their minds by Lawes, which are properly made by the King onely... So as euery iust King in a settled Kingdom is bound to obserue that paction made to his people by his Lawes, in framing his gouernment agreeable thereunto... And therefore a King gouering in a settled Kingdom, leaues to be a King, and degenerates a Tyrant, as soone as he leaues off to rule according to his Lawes... And though no Christian man ought to allow any rebellion of people against their Prince, yet doeth God neuer leaue Kings vnpunished when they transgresse these limits»

⁵⁰ Ibid. P. 184. «The higher wee are placed, the greater shall our fall be. Vi casus sic dolor». Здесь в очередной раз парафраза 82 псалма. Сравните Psalms 82 : 7. «But ye shall die like men, and fall like one of the princes». «Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей».

⁵¹ Ibidem. «Therefore all Kings that they are not tyrants, or periured, will be glad to bound themselues within the limits of their Lawes, and they that perswade them the contrary, are vipers, and pests, both against them and the Commonwealthe... As for my part, I thank God, I haue eue giuen good proof, that I neuer had intention to the contrary. And I am sure to goe to my graue with that reputation and comfort, that neuer King was in all his time more carefull to haue his Lawes duely obserued, and himselfe to gouerne thereafter, then I».

⁵² Ibidem. «I conclude then this point touching the power of Kings, with this Axiome of Diuinitie, That as to dispute what God may doe, is Blasphemie; but quid vult Deus, that Diuines may lawfully, and doe ordinarily dispute and discusse; for to dispute A Posse ad Esse is both against Logicke and Diuinitie: So

Затем Яков I вновь возвращается к общему праву и теперь говорит о нем более обстоятельно. Он стремится опровергнуть тех среди депутатов, кто распускает домыслы о его якобы презрении к общему праву. «Я надеюсь, — подчеркивает король, — никогда не произносить приватно того, что я не смогу затем повторить публично или, если понадобится, в печати... Да, это — правда, что несколько дней назад в приватной палате, за обедом, я свободно высказывал свои суждения относительно общего права, которые дошли до ваших ушей, то же самое передал вам мой лорд-казначей, и это же самое вновь я намерен повторить и подтвердить вам сам. Во-первых, как король я имею меньше всего поводов среди людей быть недовольным общим правом. Ибо нет права более подходящего и удобного для короля, расширяющего его прерогативу, чем делает это общее право. Для короля Англии презирать общее право значит то же, что выказывать презрение к своей собственной короне»⁵³.

Король не отрицает того, что ценит шивильное право, как основу «учености», как инструмент заключения международных договоров. Отказ от шивильного права для Якова I аналогичен отказу от изучения латыни. И первое, и второе он называет «варварством». Здесь же он подчеркивает: «Я только позволяю ему существовать в тех границах юрисдикции, которое общее право само ему позволяет... Следовательно, мое мнение состоит не в том, чтобы отдавать предпочтение шивильному праву перед общим, а только в том, чтобы не дать его уничтожить, а также сохранить в тех пределах (я имею в виду как суды, так и полномочия), которые были у него издревле, как-то действующим в церковных судах, суде адмиралтейства, палате прошений и тому подобных; сохраняя всегда за общим правом право слежения за фундаментальными законами королевства, касающимися как королевской прерогативы, так и собственности подданных, право вмешиваться в любые вопросы, возникают ли они между королем и одним из них, или между ними самими в делах о моем и твоём»⁵⁴. Король признается, что не только ставит общее право Англии выше любого другого национального законодательства, но даже выше «юридического закона Моисея». При этом он подчеркивает, что в его словах нет «богохульства». Ибо «Бог управлял своим избранным народом посредством трех законов — церемониального, морального и юридического. Юридический же закон, соответствующий только определенному народу и определенному времени, не может быть универсальным для всех народов и на все времена»⁵⁵.

Неправильно, вместе с тем полагает Яков I, не замечать недостатки, которые существуют в общем праве, когда его сравниваешь с «юридическим законом Бога». Стюарту кажется, что необходимо («всегда, — важная оговорка (С.К.), — через парламент») «очистить и прояснить»

is it sedition if Subjects, to dispute what a King may do in the height of his power: But iust Kings will be willing to declare what they will do, if they will not incurre the curse of God. I wil not be content that my power be disputed vpon: but I shall euer be willing to make the reason appear of all my doings, and rule my actions according to me Lawes».

⁵³ Ibid. P. 184–185. «The other branch of this incident if concerning the Common Law, being conceiued by some, that I contemned it, and preferred the Ciuil Law thereunto... I hope neuer to speake that in priuate, that I shall not auow in publique, and Print it if need be... For it is trew, that within these few dayes I spake freely my mind touching the Common Law in me Priue Chamber, at the time of my dinner, which is come to all your eares; and the same was likewise related vnto you by my Treasurer. and now I will again repeate and confirme the same my self vnto you. First, as a King I haue leaust cause of any man to dislike the Common Law: For no Law can bee more fauorable and aduantagious for a King, and extendeth further his Prerogatiue, then it doeth: And for King of England to despise the Common Law, it is to neglect his owne Crowne»

⁵⁴ Ibid. P. 185. «I onely allow it to haue course here, according to those limits of Iurisdiction, which the Common Law it selfe doeth allow it... My meaning therefore is not to preferred the Ciuill Law before the Common Law; not onely that it should not be extinguished, and yet so bounded, (I meane to such Courts and Causes) as haue been in ancient vse; As the Ecclesiasticall Courts, Court of Admiraltie, Court of Requests, and such like, reseruing cure to the Common Law to meddle with the fundamentall Lawes of the Kingdome, eithr concerning the King Prerogatie, or the possessions of Subjects, in any questions, either betweene the King, and any of them, or amongst themselues, in the points of Meum & tuum».

⁵⁵ Ibidem. «I would not onely preferre it before any other Nationall Law, but euen before the very Iudiciall Law of Moyses: and yet I speake no blasphemie in preferring it... For God gouerned his selected people by these three Lawes, Ceremoniall, Morall and Iudiciall, being onely fit for a certaine people, and a certaine time, which could not serue for the general of all other people and times».

в общем праве три вещи. При этом специально подчеркнуто: «Король совместно со своим парламентом абсолютен (как я понимаю) в издании или оформлении любого закона»³⁶.

Вот эти три вещи:

«Во-первых, я бы желал, чтобы оно было записано на нашем простом языке, поскольку сейчас оно написано старым, перемешанным и испорченным языком, понятным только юристам, тогда как каждый подданный должен понимать закон, под которым он живет»³⁷.

«Следующее, наше общее право не имеет упорядоченного текста для всех случаев, в основном опираясь либо на старые обычаи, либо на отчеты и дела судей, которые вы называете ответами мудрых». При этом король осознает, что многочисленные жизненные реалии часто не совпадают даже с упорядоченным и хорошо записанным правом. Такие дела не могут быть решены на основе «буквы закона», при их рассмотрении приходится прибегать к интерпретации судей. Те же доктора римского права, комментируя его тексты, расходятся друг с другом. «И все-таки мне бы хотелось, — заключает он, — чтобы парламент придал этому делу большую определенность... чтобы народ не зависел от декларативного мнения судей и неопределенных отчетов», поскольку сами судьи нередко «отступают от решений своих предшественников»³⁸.

«И последнее, в общем праве наличествуют противоречащие друг другу отчеты и прецеденты, и этот же порок поразил статуты и акты парламента... некоторые из них написаны так, что их можно толковать в разных, даже противоположных смыслах. И поэтому мне бы хотелось пожелать, чтобы и эти статуты, и отчеты, как в парламенте, так и в общем праве, были бы однажды разумно пересмотрены и согласованы». Яков I предлагает парламенту произвести «реформацію» в праве, т.е. «вычислить» из него все противоречия и «жестокое статуты»³⁹.

³⁶ Ibid. P. 186. «I must say, both our Law and all Lawes else are farre inferior to that Iudiciall Law of God, for no booke nor Law is perfect nor free from corruption, except onely the booke and Law of God. And therefore I could wish some three things specially to be purged & cleared in the Common Law; but always by aduise of Parliament: For the King with his Parliement here are absolute, (as I vnderstand) in making or forming of any sort of Lawes».

³⁷ Ibidem. «First, I could wish that it were written in our vulgar Language: for now it is in an old, mixt, and corrupt Language, onely vnderstood by Lawyers: whereas euery Subject ought to vnderstand the Law vnder which he liues». В данном случае монарх выступает за реформу права, жалуясь на его сложный, непонятный подданным язык. В самом общем виде специфика английского судопроизводства второй половины XVI — начала XVII в. состояла в том, что судопроверение в основном осуществлялось по-английски, но записи самих тяжб в отчетах судей, как в Средние века, делались на французском, большинство средневековых юридических трактатов, служивших источниками, были написаны на латыни. Сами правовые и судебные процедуры часто носили латинские или французские наименования. Язык общего права был настолько перепутан латинизмами и галлицизмами, что казался многим тайным знанием. Сами юристы, в частности Эл. Кок, настаивали на мудрости общего права, глубин которого может достигнуть только «тренированный разум» юриста. Однако далеко не все практикующие юристы сами знали латынь и французский. Их более просвещенные коллеги — антиквары — называли, в частности, юридический французский «варварскою». Нередко современники выражали недовольство темным смыслом общего права и подозревали юристов в том, что они используют его, дабы разорять клиентов и сколачивать состояния. Подробнее об этом см.: *Fortescue J. De Laudibus Legem Anglie* / Ed. By S.B. Chrimes. Cambridge, 1942. P. 114–117; *Whitlock. Of the Antiquity, Use, and Privilege of Places for Students and Professors of the Common Lawes of England* // Collection of Curious discourses written by eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / Ed. by T. Hearne. L., 1771. Vol. I. P. 80; *Prest W. The Inns of Court under the Elizabeth I and the early Stuarts, 1590–1640*. Rowman, 1972; *Idem. The English Bar, 1590–1649*. Oxford, 1986; *Baker J.H. The Common Law Tradition. Lawyers, Boors and the Law*. London, 2000. Ch. 14.

³⁸ King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 186–187. «Next, our Common Law hath not a settled Text in all Cases, being chiefly grounded either vpon old Customs, or else vpon the Reports and Cases of Iudges, which ye call Responsa Prudentum... Yet could I wish that some more certaine were set downe in this case by Parliament: for since the very Reports themselves are not always so binding, but that diuers times Iudges doe disclaime them, and recede from the iudgement of their predecessors... and so the people should not depend vpon the bare opinions of Iudges, and vncertaine Reportes».

³⁹ Ibid. P. 187. «and lastly, there be in the Common Law diuers contrary Reports, and Presidents: and this corruption doeth likewise concerne the Statutes and Acts of Parliament... some so penned, as they may be taken in diuers, yea contrary sences. And therefore would I wish both those Statutes and Reports, aswell in the Parliament as Common Law, to be once maturely reuiewed, and reconciled; And that not onley all contrarieties should be scraped out of our Bookes, but euen that such penall Statutes as were made».

«Я догадываюсь, — далее продолжает Яков I, — что, коль уж я коснулся общего права, то вы желаете услышать мое мнение относительно «запрещений»⁶⁰. Король поясняет, что он не является «врагом запрещений». Оставаясь сторонником того, чтобы «всякая река удерживалась внутри своих берегов», чтобы «любой суд имел свои собственные границы», чтобы полномочия судов были «ясно установленными» и «точно известными», он, естественно, выступает за то, чтобы возвращать в правовое поле те суды, которые «вторгаются» в чужую юрисдикцию. Он «никогда не был против «запрещений», но всегда выступал за то, чтобы правом их предоставления обладали бы только Суд Королевской Скамьи и «главным образом Канцелярия». Но когда число запрещений достигает невиданной ранее величины, когда они превращаются в болезнь, он вынужден вмешиваться⁶¹. Апеллируя к Богу, который удерживает море в берегах, Яков I призывает те суды, которые не относятся к общему праву, «удерживать себя в границах своей юрисдикции», а суды общего права просит не забегать вперед и «не расточать многочисленные запрещения»⁶². У него есть претензии к процедуре предоставления запрещений судами общего права. «Во-первых, они должны предоставляться в правильной и законной форме. Во-вторых, тем, кто имеет на это законную и основательную причину». Намекая на коррумпированность судов, король настаивает, что запрещения должны открыто выдаваться в суде, но не судьей единолично, не в перерывах между судебными сессиями и не в каком-то ином, помимо суда, месте. Запрещения следует предоставлять после надлежащего изучения дела, но никак не руководствуясь предположениями или информацией, полученной от заинтересованной стороны. В противном случае «запрещения» перестанут быть гарантией безопасности. Нельзя использовать благой инструментом для неблагого дела. Не должно быть закона или решения, направленного на наказание добра, как это случилось со священником, который много трудился, истратил все свои нищенские средства, был вынужден забросить свои штудии, поменять паству. Когда этот священник вознамерился насладиться от плодов своего труда, он был лишен всего «запрещением, в соответствии с притчей Христа: ночью, когда он возомнит себя полностью счастливым, кто-то возьмет его душу»⁶³. «Запрещения» напоминают королю историю с Танталом, который тянется ртом к плодам, но те отодвигаются от него «запрещением»⁶⁴.

Затем Яков I переходит к следующей важной теме — теме «жалоб» и «горестей» (grievances). По его мнению, во-первых, парламентская сессия лучший способ проинформировать короля о «горестях» его народа; во-вторых, именно в парламенте, как в «высшем суде правосудия», болезни «через установление добрых и правильных законов» способны получить самое своевременное «лекарство»⁶⁵.

Но парламентарии, по его мнению, должны правильно пользоваться привилегиями, выработывая петицию с «жалобами». Ему бы не хотелось, чтобы они «жадно искали их, или собира-

⁶⁰ Ibidem. «I know now that being vpon this point of Common Law, you looke to heare my opinion concerning Prohibition».

⁶¹ Яков поясняет: «Так уже было дважды: в середине зимы и вновь в середине последующего за ней лета». Оба раза ему пришлось заниматься этим вопросом три полных дня. Ibid. P. 188.

⁶² Ibid. P. 187–188. «And for my part, I was neuer against Prohibition of this nature, nor the trew vse of them, which if indeede to keep euery Riuer within his owne banks and channels. But when I saw the swelling and overflowing of Prohibitions in a farre greater abundance then euer before, euery Court striuing to bring in most moulture to their owne Mill by multitudes of Causes, which if a disease very naturall to all Course and Iurisdictions in the world; Then dealt I with this Cause... For as God conteins the Sea within his owne boundes and marches (as it is in the Psalmes) So is it my office to make euery Court containe himselfe within his owne limits...». Сравните: Psalms 33 : 7 «He gathereth the waters of the sea together as an heap: he layeth up the depth in storhouses».

⁶³ Ibid. P. 188–189. «So as to conclude this point, I put a difference betweene the trew vse of Prohibition, and the superabounding abuse thereof: for as a thing which is good, ought not therefore bee abused; so ought not the lawfull vse of a good thing be forborne, because of the thereof».

⁶⁴ Ibid. P. 188.

⁶⁵ Ibid. P. 189. «There are two speciall causes of the peoples presenting Grievances to their King in time of Parliament. First. For that the King cannot at other time be so well informed of all the Grievances of his people, as in time of Parliament, which is the representatiue body of the whole Realme. Secondly, the Parliament is the highest Court of Justice, and therefore the fittest place where diuers natures of Grievances may haue their proper remedie, by the establishment of good and wholesome Lawes».

ли на улицах», показывая тем самым, что «наличествует много недостатков в управлении и много причин для недовольства». Следует, утверждает Яков I, обращаясь к депутатам, «касаться только таких горестей, которые, как вы же сами знаете, нуждаются в исправлении, или информацию о которых вы получили из тех графств, которые вы представляете». Не должно, говорит король, тиражировать «горести», «возбуждать шум» среди народа, касаться основ управления. Данная сессия парламента вселила во многих надежду, что депутаты сделают «большой список» жалоб, давая возможность «каждому продемонстрировать свое конкретное раздражение». Но когда депутаты обнаружили, что в бумагах тесно от жалоб, что ими буквально «набит мешок», что жалобы из «законных недовольств» превратились в «пасквилю», они отказались от дальнейшего их чтения и «сложили из них публичный костер». За это монарх выражает нижней палате благодарность. Он советует депутатам впредь, «на все времена», держаться подобного поведения. «Руководствуйтесь вашими старинными правилами, следуйте им, и не будете страдать впоследствии от любых петиций и жалоб, которые доставляются скрытно и под покровом темноты, но будете получать их открыто и прямо в вашей публичной палате» через своего спикера. «В противном случае нижняя палата может стать местом пасквилий, а в другое время среди вас могут быть такие распространены жалобы, которые будут содержать предательские или позорные измышления против меня или моего потомства»⁶⁷.

Одновременно Яков I подчеркивает, что, оглашая ему «жалобы» народа, депутаты демонстрируют верность ему и пославшим их в парламент территориям. «Ибо настоящие искни исходят не от людей нанятых, но от представительного органа, который и есть народ». Он не исключает, что созданные им учреждения и комиссии могут допускать «злоупотребления» в своей деятельности. А благодаря депутатам и парламентским сессиям ему удается получать об этом достоверную информацию, как это случилось в случае со Стефаном Проктором. «Но, — продолжает король, — мне бы хотелось, чтобы в вопросе о жалобах вы заботливо сторонились трех вещей»⁶⁸.

«Во-первых, чтобы вы не вмешивались в основные вопросы управления, это мое ремесло (мастера должны пользоваться инструментами), вмешиваться сюда, значит, поучать меня. Я сейчас старый король, в течение 36 лет я персонально управлял Шотландией, а теперь я прошел семилетнее ученичество здесь. Семь лет — это большой срок для обретения королевского опыта в управлении. Следовательно, не должно быть здесь слишком много Формионов, чтобы учить Ганнибала. Не следует учить меня моему ремеслу»⁶⁹.

⁶⁶ Ibid. P. 189–190. Yet would I have you to vse this caution in your behaviour in this point: which is, that your Grievances be not as it were greedily sought out by you, or taken vp in the streetes... thereby to shew... that there are many abuses in the gouernment, and many causes of complaint: but that according to your first institution, ye should only meddle with such Grievances as your selues doe know had neede of reformation, or had informations thereof in your countreys for which your serue, and not so to multiply them, as might make it noised amongst the people, that all things in gouernment were amisse and out of frame... I haue reason to thank you of the Lower house, I meane for your fire work, wherein I confesse you did Honour to me, and right to your selues: For hauing one afternoone found many Grievances closely presented in papers, and so all thrust vp in a sacke together, (rather like Pasquils, then any lawfull Complaints) farre against your owne Orders, and diuers of them proceeding from grudging and murmuring spirits; you, vpon the hearing read two or three of the first line of diuers of them, were not content with a publique consent to condemne them, and to discharge any further reading of them, but you also made a publique benefire of them... I must not omit also to admonish you... to preuent the like accident in all times hereafter: otherwise the Lower house may become a place for Pasquils, and at another time such Grievances may be cast in amongst you, as may conteine Treason or scandal against me, or my Posterity. Therefore in this case, looke ouer your ancient Orders, & follow them, and suffer not hereafter any petition or Grievances to be deliuered obscurely or in the darke, but openly and auowedly in your Publique house, and there to be presented to the Speaker.

⁶⁷ Ibid. P. 190. «I am not to finde fault that your infome your selues of particular iust Grievances of the people; Nay I must tell you, ye can neither be just nor faithfull to me, or to your Countreys that trust and employ you, if ypu doe it not: For true Plaints proceeds not from the persons employed, but from the Body represented, which if the people... I would wish you to be carefull to auoide three things in the matter of Grievances).

⁶⁸ Ibid. P. 190–191. «First, that you doe not meddle with the main points of Gouernmant; that is my craft: tractent fabrilla fabri; to meddle with that, were to lesson me; I am now an old King; for sixe and thirtie yeeres haue I

«Во-вторых, я не позволю вам касаться тех моих старинных прав, которые я получил от своих предков, которыми я владею по родовому обычаю. Я был бы весьма огорчен, если бы такие права стали бы расцениваться, как повод для жалоб. Всякие нововведения в политическом теле так же опасны, как и в естественном. Поэтому я не склонен вступать в пререкания по поводу моих старинных прав и владений, ибо это сделало бы меня недостойным того, чем владели мои предки, и что они оставили мне»⁶⁹.

«И последнее, я прошу вас воздержаться выставлять в качестве тягот что-либо из того, что установлено законом; знайте, что на это (как вы уже имели доказательство) я никогда не дам благожелательного ответа. Для подданных давить на короля, когда они знают наперед, что он откажет им, значит перечить своему долгу. Сейчас, если какой-либо закон или статут не является удовлетворительным, пусть парламент исправит его, но пока его не признали бременем, быть недовольным законом значит быть недовольным королем, который присягал быть блюстителем и хранителем его. Но так как все люди грешны и могут ошибаться при исполнении законов, то и вы справедливо можете приносить жалобу на злоупотребление законом, проводя разумное различие между ошибками отдельного лица и законом как таковым. Например, могут поступить вам жалобы на Высокую комиссию. Если так случится, то проверьте обвинение, не шадите ее, но не говорите, что комиссия должна исчезнуть. Только я могу сокращать полномочия. Я ясно говорю вам: того, что я сам решил относительно этого вопроса, я намерен всегда держаться, если не появится другая важная причина, которая, относительно Высокой комиссии, есть столь высока по природе, что не позволяет обращаться по ее поводу в какой-либо суд. И я думаю, что правильным будет оставить этот вопрос исключительно в ведении двух архиепископов... Я установил для себя такое правило, и поэтому вы можете быть уверенными, что я никогда не сочту человека лжецом и не сочту его пуританином, если его жалоба на ошибку в исполнении закона придет ко мне из парламента, или если она прозвучит в парламенте, и он сумеет доказать это. В противном случае его утверждение будет клеветой. Как я уже говорил, я бы только предостерег кого-либо от жалоб на комиссию как таковую. Вы уже слышали (я уверен) о проблемах, которые я разбирал касательно Адмиралтейства и «запрещений». Можете быть уверенными, что если какой-то человек принесет мне обоснованные жалобы по вопросам, столь же важным, как этот, я не пожалею времени, чтобы заслушать его. В вопросах веры вы никогда не имели более заинтересованного короля, который лично готов решать проблемы, достойные его внимания. И когда кто-либо из вас захочет приобрести опыт общения со мной по такому вопросу, он может быть уверен, что — будь он в парламенте или вне его — ему никогда не будет отказано в доступе и к нему всегда отнесутся без предубеждения»⁷⁰.

gouerned in Scotland personally, and now haue I accomplished my apprenticeship of seuen yeeres heere; and seuen yeeres is a greet time for a Kinges experience in Gouernment: Therefore there would not bee too many Phormios to teach Hannibal: I must not be taught my Office». В цитате речь идет о Фермионе, философеперипатетике, который пытался поучать бежавшего в Антхокию Ганнибала, как тому следовало воевать с Римом. Ганнибал в ответ назвал Фермиона сумасшедшим с вывернутыми мозгами.

⁶⁹ Ibid. P. 191. «Secondly, I would not haue you meddle with such ancient Rights of mine, as I haue received from my Predecessors, possessing them, More Mariorum: such things I would bee sorie should bee accounted for Grieuances. All nouelties are dangerous as well in a politiqe as in a naturall Body: And therefore I would be loth to be quarreled in my ancient Rights and possessions: for that were to iudge mee vnworthy of that which my Predecessors had, and left me».

⁷⁰ Ibid. P. 191–192. «And lastly, I pray you beware to exhibit for Grieuance any thing that is established by a settled Law, and whereunto (as you haue already had a prooffe) you know I will neuer giue a plausible answer: For it is an vndutifull part in Subiects to presse their King, wherein they know beforchand he will refuse them. Now, if any Law or Statute be not conuenient, let it be amended by Parliament, but in the meane time terme it not a Grieuance: for to be griued with the Law, is to be griued with the King, who is swome to bee the Patron and mainteiner thereof. But as all men are flesh, and may erre in the execution of Lawes; So may ye iustly make a Grieuance of any abuse of the Law, distinguishing wisely betwene the faults of the person, and the thing it selfe. As for example, Complaints may be made vnto you of the high Commissioners: If so be, trie the abuse, and spare not to complaine vpon it, but say not there shall be no Commission; For that were to abridge the power that is in me: and I will plainly tell you, That something I haue with my selfe resolued annent that point, which I meane eue to keepe, except I see other great cause: which is, That in regard the high Commission is if of so high a nature, from which there

Яков I заканчивает этот раздел ироничным обращением с «жалобой» к депутатам от «имени пославших их графств». Он просит при подготовке петиции, которая будет содержать перечень «горестей», быть «очень внимательными», идти от «помыслов народа» и «не приправлять» ее интересами «частных лиц». На его взгляд, некоторые депутаты при сочинении петиций руководствуются не столько нуждами избирателей, сколько личным «недовольством», «заинтересованностью» и «раздражением». «Я уверяю вас, — заключает он, — что я всегда почувствую разницу между петицией, которая отражает нужды народа, и таким документом, который создан недовольством конкретного лица, недовольством, направленным либо против церковного управления вообще, либо против слуги какого-либо аристократа, либо, в особенности, члена комиссии»⁷¹.

Наконец, король обращается к проблеме правительственных «нужд». Он напоминает им, что еще раньше лорд-казначей Роберт Сесил, как лицо, более сведущее и красноречивое в этом вопросе, охарактеризовал депутатам состояние как «доходов, так и расходов» казны. Яков I полагает, что короли должны в редких случаях обременять подданных и делать их детально информированными о состоянии своих финансов. «Если бы я не испытывал крайней нужды, можете быть уверенными, — продолжает Стюарт, — я бы не стал беспокоить вас... И здесь вы обязаны верить мне. Я имею полное право требовать от вас как моих поданных исполнения долга, одна из частей долга, которую подданные должны суверену, состоит в материальной поддержке, однако ее количество и время предоставления должны исходить от вашей любви. Поэтому я не должен сейчас обсуждать королевскую власть, но должен сказать вам, что я вправе просить и ожидать проявления вашей доброй воли. Я всегда был против любых крайностей, и в этом случае я также желаю, чтобы вы избежали их в обоих проявлениях. Ибо если вам не удастся избежать одной из них, у меня появится очень большой повод винить вас, как парламентариев, собранных мною для выполнения моих поручений. И если вы впадете в другую крайность, т.е. поддержите материально мои нужды, не позаботившись должным образом о том, чтобы избежать давления или пристрастности в налоге, то и я, и страна получим повод порицать вас»⁷².

Далее Яков I произносит длинный и витиеватый пассаж, который обращен прежде всего к нижней палате, поскольку в верхней палате лорды представляют самих себя и, если оказывают королю материальную поддержку, то делают это непосредственно за счет собственных средств. Другое дело нижняя палата, которая является «исключительно представительным

is no appellation to any other Court, I haue thought good to restraine it onely to the two Archbishops, where before it was common amongst a great part of the Bishops in England. This Law I haue set to my selfe, and therefore you may be assured, that I will neuer finde fault with any man, not thinke him the more Puritanic, that will complaine to me out of Parliament, aswell as in Parliament, of any error in execution thereof, so that hee prooue it; Otherwise it were but a calumnie. Onely I would bee loath that any man should grieue at the Commission it selfe, as I haue already said. Yee haue heard (I am sure) of the paines I tooke both in causes of the Admiralty, and of the Prohibitions: If any man therefore will bring me any iust complaints vpon any mattres of so high a nature as this is, yee may assure your selues that I will not spare my labour in hearing it. In faith you neuer had a more painful King, or that will be readier in his person to determine causes that are fit for his hearing. And when euer any of you shall make experience of me in this point, ye may be sure neuer to want accese, not ye shall neuer come wrong to me, in, or out of Parliament».

⁷¹ Ibid. P. 192. P. «I assure you, I can very well smell between a Petition that mooues from a generall Grieuances, or such a one as comes from the spleene of some particular person, either against Ecclesiastical government in generall, or the person of any one Noble man, or Commissioner in particular».

⁷² Ibid. P. 193. «If I had not more then cause, you may be sure I would be loth to trouble you... And therein you are bound to beleue me. Duetie I may iustly claime of you as may Subjects; and one of the branches of duetie which Subjects owe to their Soueraigne, is Supply: but in what quantitie, and at what time, that must come of your loues. I am not now therefore to dispute of a Kings power, but to tell you what I may iustly craue, and expect with your good wills. I was euer against all extremes; and in this case I will likewise wish you to auoyd them on both sides. For if you faile in the one, I might haue greate cause to blame you as Parliament men, being called by me for my Errands: And if you fall into the other extreme, by supply of my necessities without respectiue care to auoyd oppression or partialitic in the Leurie, both I and the Countrey will haue cause to blame you».

органом общины», депутаты которой дают помощь, «как от себя, так и от других». Осознавая это, он предостерегает их от того, чтобы быть слишком щедрыми. Ибо если они пренебрегут рачительностью, и дадут ему «больше, чем добрые и любящие подданные готовы предоставить», то он сочтет себя обманутым и никогда такой дар не примет, опасаясь, что среди народа может возникнуть «недовольство и ропот». Яков I всячески старается подвести депутатов к мысли о том, что он ведет речь только о необходимом. Он вспоминает, что кто-то из депутатов в случае предоставления субсидий уже высказывал опасения по поводу сохранности собственных «плотов» по возвращении домой. «Я могу вас уверить, — говорит Яков I, — что я никогда не стану заставлять вас делать то, что нанесет вред народу и приведет к тому, что вам придется сносить порицания». Именно поэтому он якобы ни сам, ни через членов своего Тайного совета никогда не пытался заручиться в палате необходимым числом голосов. «Я, — продолжает монарх, — всегда питаю отвращение к выпрашиванию голосов. Король, который правит и руководит праведно, должен во всех своих великих деяниях держаться Совести, Чести и здравого смысла (как вы сами, мистер спикер, напомнили в один из дней). И поэтому вы можете успокоить себя, я всегда удерживаю все свои большие начинания в этих пределах... Что может дать мне кошелек, добытый с помощью ножа?»⁷⁹.

Вместе с тем, Яков I предостерегает депутатов от отказа предоставить субсидии, «ссылаясь на бедность народа». Он без обиняков говорит им, что поступающие так лишатся «его милости и благорасположения», хотя, следуя долгу, он по-прежнему будет к ним справедлив. Далее риторика короля становится еще более пафосной. Он обращается к риторическим фигурам «копец страны», «блага страны», «сохранение государства». «Никто не может сказать, что я конфликтовал с кем-либо за отказ мне в субсидии, если он делал это в сдержанной форме и имея должные основания. Но с тем, кто идет против закона, я не побоюсь войти в конфликт, ибо предоставление или отказ в предоставлении денег не является проявлением любви. И поэтому, когда речь заходит о моих нуждах, я только желаю, чтобы мне не отказывали в том, что является долгом, который я должен получать. Ибо я знаю, если бы среди вас был бы поставлен на обсуждение вопрос, следует или нет удовлетворить то, что хочет король, то здесь не оказалось бы ни одного, кто мог бы в этом усомниться. И хотя этот вопрос может казаться моим личным, его все-таки нельзя отделить от общего блага страны, ибо король — это отец страны, который рассказывает вам о своих нуждах. Более того, страна сама, через его уста, обращается к вам. Ибо то, чего хочет король, хочет государство, и поэтому усиление короля является сохранением и укреплением государства. И пусть будет горе тому, кто отделяет благо короля от блага королевства. Ибо если король пребывает в скудости (сколь бы богат он когда-то ни был), это сказывается на нашем бедном народе (ибо сердца и благосостояние народа являются главной сокровищницей короля), так и королевство наше неспособно существовать, сколь бы богатым и сильным когда-то ни был народ, если его король нуждается в материальных ресурсах, чтобы укреплять свое государство. Ибо материальные ресурсы вашего короля, как в дни войны, так и в дни мира, — это жилы королевства. В дни мира я должен отправлять для вас правосудие, а в дни войны я обязан защищать вас войсками. Но ни то, ни другое я не могу осуществлять без достаточных материальных ресурсов, которые должны прийти в виде вашей помощи и поддержки. Я заявляю, что противно моей натуре становиться бременем моего народа, ибо меня, который был рожден, чтобы его просили, не может не огорчать необходимость просить других. Это правда, что я прошу больше, чем кто-

⁷⁹ Ibid. P. 193–194. «On one part, ye may the more easily libral, since it comes not all from your selues; and yet vpon the other part, if yee giue more then is fit for good and louing Subjects to yeeld vpon such necessary occasions, yee abuse the King, and hurt the people; And such a gift I will neuer accept... For thought it was vainly said by one of your House, That yee had need to beware, that by giuing mee too much, your throats were not in danger of cutting at your comming home: yet may ye assure your selues, that I will euer bee lothe to presse you to doe that which may wrong the people, and make you iustly to bear the blame thereof... I euer detested the hunting for Emendicata Suffragia. A King that will rule and gouerne iustly, must haue regard to Conscience, Honour, Iudgement, in all his great Actions, (as your selfe M. Speaker remember the other day.) And therefore ye may assure your selues, That I euer limit all my great Actions within that compasse... For that were to giue me a purse with a knife».

либо из королей Англии, но я и имею более важную и обоснованную причину и основание просить, чем когда-либо король Англии имел»⁷⁴.

Вслед за лордом-казначеем Робертом Сесилом король «вкратце» излагает четыре довода в пользу «справедливости» требуемой помощи. Во-первых, с его приходом государство получило дополнительную корону и дополнительных подданных, что предполагает рост расходов. Во-вторых, у него есть «потомство и наследники», что требует «значительных тягот». Противопоставляя себя Елизавете Тюдор, Яков I находит аргументы для депутатов: «Вы все знаете, что блаженной памяти последняя королева (несмотря на ее бездетность) собирала для себя больше, чем любой ее предшественник». В-третьих, приближающаяся креация наследного сына Генри не обойдется без денег⁷⁵.

Четвертый аргумент в устах короля превратился в длинное оправдание всех предшествующих семилетних расходов. Он не отрицает того, что его траты были значительными⁷⁶. Но они, по его словам, были неизбежны, ибо затрагивали честь королевства, самого Якова и его предшественники на престоле Елизаветы I. Должен ли он был, риторически вопрошает король депутатов, скарденничать на похоронах Елизаветы I, на торжествах и празднествах во время переезда в Англию, во время въезда в Лондон, на коронации и на приемах иностранных послов и делегаций? Опровергая доводы тех, кто считает, что предоставление помощи возможно только тогда, когда страна находится в состоянии войны, король заявляет о необходимости послать военную помощь Протестантской Унии Германии, которая начала борьбу за вымороченный престол герцогства Юлих-Берг с Католической Лигой. Кроме того, существенно урезав военное оснащение приграничного с Шотландией Бервика, он по-прежнему вынужден содержать всех тех офицеров, которые ему достались от Елизаветы. Еще остаются небольшие гарнизоны в фортах королевства, и с середины 1580-х гг. Англия продолжает держать солдат в двух голландских городах — Флашинг и Брилле. Изрядных и «неопределенных» расходов из-за склонности к мятежам все время требует Ирландия. Год назад Якову I пришлось сильно поиздержаться, подавляя там восстание⁷⁷. Он и впредь обещает сохранить в Ирландии армию, состоящую из «опытных и старых солдат», которая будет гарантировать безопасность Ольстера⁷⁸.

Яков I согласен, что в первые годы правления проявлял чрезмерную щедрость. Но, по его словам, этим он просто возвращал подданным то, что пришло в казну от них. При этом англичане всегда получали вдвое больше, чем шотландцы. Тому, кто не стесняется говорить об обилии золота и серебра, пролившемся якобы на Эдинбург, он желает пожить на подоб-

⁷⁴ Ibid. P. 194–195. «No man can say, that euer I quarreled any man for refusing mee a Subsidie, if hee did it in a moderate fashion, and with good reasons: But for granting or denying money, it is but an effect of loue. And therefore for the point of my necessities, I onely desire that I be not refused in that which of duty, I ought to haue: For I know if it were propound in the generall amongst you, whether the King want ought to be relieued or nor, there if not one of you, that would make question of it. And though in a sort this may seeme to be my particular; yet it can not bee diuided from the generall good of the Common wealth; For the King that is Parens Patriae, telles you of his wants. Nay, Patria ipsa by him speakes vnto you. For if the King want, the State wants, and therefore the strengthening of the King if the preservation and the standing of the State; And woe be to him that diuides the weale of the King from the weale of the Kingdome. And as that King is miserable (how rich soeuer he bee) that rains ouer a poore people (for the hearts and riches of the people, are the Kings greatest treasure,) So is that Kingdome not able to subsist, how rich and potent soeuer the people be, if their King wants meanes to maintaine his State: for the meanes of your King are the sinews of the kingdome both in warre and peace: for in peace I must minister iustise vnto you, and in warre I must defend you by Armes: but neither of these can I do without sufficient meanes, which must come from your Aide and Supply. I confesse it is farre against my nature to be burthensome to my people: for it cannot but grieue me to craue of other, that was borne to begged of. It is trow, I craue more then euer King of England did; but I haue farre greater and iuster cause and reason to craue, then euer King of England had».

⁷⁵ Ibid. P. 195–196. «You all know that the late Queene of famous memory (notwithstanding her orbitie) had much giuen vnto her, and more then euer any of her predecessors had before her».

⁷⁶ Ibid. P. 196. «It is trow I haue spent much...»

⁷⁷ По-видимому, король вел речь о восстании О'Догерти, случившемся весной–летом 1608 г.

⁷⁸ Ibid. P. 196–197.

ные доходы в Англии. Полагая, что «река королевской щедрости не должна никогда пересохнуть», ибо иначе король не сможет «воздать должное своим слугам», он обещает стать менее расточительным. «Широта моих расходов, — уверяет он депутатов, — в прошлом... Рождество и прилив имеют конеш». Лимитировано будет предоставление новых рыцарских и баронских званий. Но есть и те траты, от которых невозможно отказаться, это траты, направленные на поддержание «величия» (greatness) и «чести» (honour) королевства и короля. «Сейчас оно (величие, честь. — С.К.) не может быть поддержано случайными мерами, они должны исходить от народа... Никто, кроме народа, не может мне помочь... Я полагаю, что внутри и вне парламента есть добрые подданные, которые с удовольствием поддержат напрямую высокий статус своего короля, никто из них не станет беречь свои кошельки, которые они подвергают риску ночью, растрчивая впустую в кости и карты, или покупая коня ради удовольствия, который может сломать шею или ногу на следующее утро. Более того, я уверен, что любой добрый подданный сам скорее предпочтет жить скромнее, чем видеть, что его король вынужден испытывать нужду»⁷⁹.

Яков I призывает депутатов побыстрее решить вопрос выделения денег, напомнив *Bis dat, qui cito dat*. Ожидание помощи только увеличивает его долги, а значит, и последующие запросы. Он не обходит молчанием международный контекст проблемы. «Обратите внимание, глаза всех иностранных государств сосредоточены на этом деле, в ожидании того, каков будет результат». Отказ от помощи, по его словам, будет означать, что «мое государство настолько безнадежно, что не может быть исправлено, и что поэтому части парламента преобладают в споре с королем, а король относится с отвращением к парламенту, что не может не ослабить мою репутацию как дома, так и за границей». Государи, считает он, солидарны по отношению друг к другу и потенциально готовы помогать друг другу. Но тот, кто утрачивает такую возможность, выпадает из этого круга. Слабость королевской власти Англии станет очевидной, что может стать причиной внешней экспансии, пугает он депутатов. «Вы знаете, что если король упадет до того, что его начнут презирать соседи, это не может не вызвать их давления на него и войны с ним, и тогда, когда лекарство станет почти бесполезным, будет уже слишком поздно помогать королю. Болезни, предвиденные и предотвращенные, всегда легко излечиваются»⁸⁰.

Из текущих дел он советует (следуя французской поговорке: кто много начинает, не достигает ничего) сосредоточиться на трех: Боге/религии, государстве/общем благе (*Commonwealth*) и регулировании развлечений (*matter of Pleasure*).

Спустя пять лет после обнаружения Порохового заговора и, реагируя на излишнюю подозрительность англичан по отношению к католикам, он призывает подданных к умеренности. «У меня нет помысла побудить вас принять более строгие законы, чем те, которые уже существуют, но посмотрите, нельзя ли хорошо исполнять те законы, которые имеют силу. В противном случае, они не могут не утратить уважение и не прийти в упадок. Я никогда не считал, что пролитие крови и излишняя жестокость принесут пользу в делах религии. Ибо,

⁷⁹ Ibid. P. 197–198. «Now this cannot be supplied out of the ayre or liquid elements, but must come from the people... I cannot be helped but from the people... I hope there are no good Subjects either within, or out of the Parliament House, that would not be content for setting streight once and setting the Honourable State of their King, to spare so much every one of them out of their purses, which peradventure they would in one night throw away at Dice or Cards, or bestow vpon a horse for their fancies, that might breake his necke or his legge the next morning. Nay I am sure every good Subject would rather chuse to lie more sparingly vpon his owne, then his Kings State should be in want».

⁸⁰ Ibid. P. 198–199. «Consider that the eyes of all forreine States are vpon this affaire, and in expectation what the successe thereof will be; And what can they thinke, if ye depart without relieuing mee in that proportion that may make me able to maintaine my State, but that either ye are vnwilling to helpe mee, thinking me vnworthy thereof, or at least that my State is so desperate, as it cannot be repaired, and so that the Parliament parts in disgrace with the King, and the King in distaste with the Parliament, which cannot but weaken my reputation both at home and abroad?... Ye know, that if King fall to be contented with his neighbours, that cannot but bring an oppression and warre by them vpon him, and then will it be too late to support the King, when the cure is almost desperate. Things foreseene and preuented, are eue easiest remedied».

помимо богословского правила, что никогда Господь насилнем и пролитием крови не любит насаждать церковь свою, еще и естественный разум убеждает нас, и ежедневный опыт доказывает нам истинность того, что, когда люди подвергаются жестоким преследованиям за религию, смелое проявление духа, они скорее, чем справедливостью своего дела, обретают мужество сносить любые мучения или самую смерть, и получают ореол мученичества, хотя он и ложен»⁸¹. Вместе с тем он просит прояснить все темные места относительно применения присяги верности⁸².

На его взгляд сами католики не едины: большинство из них придерживается «ложной» веры, но демонстрирует лояльность по отношению к короне. И лишь малая часть — рекузаны, — среди которой молодежь, принявшая в католичество, — достойна непрерывного преследования, выявления и наказания. «Что до первого разряда, я сожалею о них. У меня нет ненависти к ним, если они остаются добрыми и мирными подданными. Если бы я был частным лицом, я бы мог водить дружбу и вести беседы с некоторыми из них. Но что касается отступников, которых, как я знаю, ненавидят внутри их собственной секты, то я убежден, что я никогда не выкажу никакого благосклонного жеста по отношению к ним. Они все без исключения могут быть уверенными, что они никогда не найдут проявления милости, исходящей от меня. Значит, мне требуется правосудие, которое можно использовать по отношению к ним. Мне бы надо иметь закон, чтобы сурово карать за это, а вам надлежало бы озаботиться созданием его. Вы знаете, что в последние годы было много шума по поводу тайных убежищ. И я прошу вас, позвольте мне передать вопрос об убежище епископам и судьям, чтобы папистам больше негде было бы укрываться»⁸³.

Среди текущих первоочередных вопросов, он считает необходимым скорейшее принятие закона, охраняющего леса. Законопроект об этом поступил в палату еще во время прошлой сессии, но из-за волокиты не был принят. Лес, отмечает король, важен как источник топлива, без которого невозможно обогреться и приготовить «мясо», и как сырье для изготовления судов. Следствием истребления лесов, предупреждает он, станет утрата кораблестроения, изоляция от внешнего мира и упадок морской торговли, «которая является главной основой нашего королевства»⁸⁴.

Для Якова I, который был страстным охотником, лес — это еще и место развлечений, возможность насладиться «обычной и соколиной охотой»⁸⁵. Дичь, по его мнению, тоже нуждается в защите, а принятый закон на этот счет в улучшении. В частности, его не устраивает то место в законе, которое разрешает каждому «бедному фермеру» истреблять куропаток и фазанов, залетевших к нему в ограду, которых перед этим оберегали и разводили джентльмены. «Определенно, — не без горькой иронии заявляет Яков I, — я не знаю другого способа сохранения дичи, которая плодится в моих владениях, как сооружение над всеми ними кры-

⁸¹ Ibid. P. 199. «I doe not meane by this to mooue you to make stronger Lawes then are already made, but see those Lawes may bee well execution that are in force; otherwise they cannot but fall into contempt and become rustic. I neuer found, that blood and too much seueritie did good in matters of Religion: for, besides that it is a sure rule in Diuinitie, that God neuer loues to plant his Church by violence and bloodshed; naturall reason may euen perswarde vs, and deely experience pouoes it trew, That when men are seuerely persecuted for Religion, the gallantnesse of many mens of the cause, makes them to take a pride boldly to endure any torments, or death it selfe, to gaine thereby the reputation of Martyrdome, though but if a false shadow».

⁸² Ibid. P. 200.

⁸³ Ibid. P. 201. «For the former sort, I pitie them, but if they bee good and quiet Subiects, I hate not their persons; and if I were a priuate man, I could well keepe a ciuill friendship and conuersation with some of them: But as for those Apostates, who, I know, must be greatest haters of their owne Sect, I confesse I can neuer shew any fauourable countenance toward them, and they may all of them be sure without exception, that they shall neuer finde any more fauour of mee, further then I must needs in Iustice afford them. And those would I haue the Law to strike seuerelst vpon, and you carefullest to discover. Yee know there hath bene great stirre kept for begging Concealements these years past; and I pray you, let mee begge this concealment both of the Bishops, and Iudges, That Papists by no longer concealed».

⁸⁴ Ibid. P. 201–202.

⁸⁵ Ibid. P. 202.

ши, или окольцовывания лапок куропаток моими символами, такими же, какими окольцованы мои соколы». Только тогда, влетая в крестьянскую ограду, «королевские куропатки» станут узнаваемыми⁸⁷. Охоту на куропаток и фазанов он считает благородным спортом, которая должна вестись джентльменами по-джентльменски, т.е. только в сезон промысла и без силков и ружей. Для «простого народа» добыча дичи «не должна быть свободной». Нельзя вести охоту в межсезонье, когда дичь не превосходит размером мышшь. Но именно тогда пернатые десятками гибнут в когтях соколов, в пасти собак и под копытами лошадей. Следствием охоты в межсезонье становятся потравы зерновых⁸⁸.

Король негодовал и против другого закона, который специально запрещал «воровать» оленей и кроликов ночью, ибо это место истолковывалось «своевольными людьми», как разрешение добывать оленей и кроликов днем. Этот законодательный промах напоминает ему закон лакедемонян против воровства, «который не запрещал воровство, но учил делать это хитроумно и скрытно». Если не принять экстренные меры, с некоторым преувеличением замечает Яков I, то могут наступить времена, когда будет невозможно полакомиться оленьиной⁸⁹.

Заканчивая речь, король еще раз напомнил, что после того, как он лично поведал депутатам о состоянии своего «кошелька», они должны вести себя еще более ответственно. «Если вы разойдетесь, не оказав каким-то разумным способом поддержку моему состоянию, что мир может подумать, кроме того, что подданные питают по отношению ко мне злую волю, которой порожден отказ». Они должны осознавать, что такое поведения оскорбит короля, и «пребывать в состоянии страха» из-за его недовольства, которому, впрочем, Яков I никогда не позволит проявиться.

Кроме того, открыв им, как в зеркале, «свое сердце», он просит депутатов правильно понимать и истолковывать его речь, не придавать словам «ложный смысл» и, наконец, не ронять и не разбивать «хрупкое стекло»⁹⁰.

Теперь, после детального, почти дословного, изложения достаточно длинной и стилистически непростой речи короля Якова I, можно подвести итоги. Композиционно речь Якова I распадается на две структурные части. В первой он излагает универсальные принципы монархического правления и свое видение места короля и монархии в человеческом мироустройстве. Из его слов следует, что король является первым после Бога существом, или даже Богом, находящимся на земле. Сама максимальная приближенность государя к Богу ставит его над людьми, свидетельствует о его совершенстве, величии и способности поддерживать доставшийся от Бога порядок. Близость к Богу делает его власть абсолютной, т.е. способной создавать совершенные механизмы поддержания порядка. Верховенство короля в мире подтверждается сопоставлением его с отцом страны и отцом семейства, который вправе наказывать, перемещать, прощать, возвышать своих детей-подданных, и использованием органической метафоры, согласно которой атомарные подданные в совокупности образуют тело, а король представляет голову, которая разными функциональными мерами — лекарствами и кровопусканием — поддерживает тело в добром здравии. Но королю — как Богу, отцу и главе — требуется поддерживать еще и собственный статус (честь, почет и т.п.), для чего и требуется финансовая помощь подданных.

Вторая часть речи касается реальных практик и проблем. И из нее видно, что первое после Бога совершенное существо — король — живет в несовершенном мире, и у него не так уж много инструментов, чтобы улучшить мир людей. Подданные, судя по его высказываниям, и в парламенте, и вне Вестминстера, несмотря на запрет, позволяют обсуждать качества правящего государя и его деяния. И среди подданных немало таких, чьи представления о

⁸⁶ Ibid. P. 202. «Surely, I know no remedie for preseruing the Game that breedes in my grounds, except I cast a rooffe ouer all the ground, or else put veruels to the Pertridges feet with me Armes vpon them, as my Hawkes haue: otherwise I know not how they shall bee knowen to be the Kings Partridges, when they light in a Farmours Close».

⁸⁷ Ibid. P. 202–203.

⁸⁸ Ibid. P. 202.

⁸⁹ Ibid. P. 203.

прекрасном сильно, а то и полностью расходятся с помыслами монарха. И именно этим разным, несовершенным и подозрительным подданным королю приходится объяснять свои внутри- и внешнеполитические шаги. И хотя можно выказать гнев и покарать отдельных строптивцев, королю понятно, что это не принесет искомого результата. Глагол «to pray» («просить», «молить»), обращенный к депутатам, слишком часто встречается в его речи. Так же часто он говорит о существующих процедурных и традиционных лимитах власти, и о своей внутренней готовности никогда эти лимиты не переступить.

Понятно, что на поставленный в заглавии вопрос, может ли король все, и королевская теория, и английская практика отвечали: в обычных условиях не может.

Несомненно, 21 марта 1610 г. король произнес речь в парламенте, надеясь ускорить предоставление финансовой помощи. Ее мягкий и доброжелательный тон должен был, по замыслу составителя, вызывать симпатию у депутатов. Структура выступления свидетельствует о том, что Яков I стремился дать ответы на самые актуальные вопросы, избавить от подозрений и развеять сомнения. Демонстрируемое почтение к общему праву и осуждение расширительных толкований королевской власти Джона Коузлла призваны были подтвердить неизбежность, а значит, в соответствии с ценностными ориентациями предреволюционной Англии, истинность и справедливость доставшегося ему по наследству порядка. Он не отрицал, что элементы существующего государственного механизма работают неэффективно, но и не собирался потворствовать разрушению некоторых его конструкций. Пассажи в защиту критикуемой повсеместно и жестко Высокой комиссии достаточно красноречивы. Обсуждать совместно с подданными традиционное устройство государственного управления, которое считалось частью абсолютной прерогативы монархов, он, впрочем, тоже не собирался, ибо считал последнее недопустимым.

И в заключение, два слова об абсолютизме. Действительно, в речи Якова I встречается прилагательное «absolute», но его «абсолютизм» слишком далек от тех типологических интерпретаций «старого порядка», которые достались нам еще от либеральной мысли и историографии XIX в., далек он и от породившей эти интерпретации французской модели времен Людовика XIV.

Summary

This paper is about the political meaning of James I. It is the first of three essays which the author intends to write about. They are supposed to clarify the views of those, who are called «absolutists» in the contemporary historical literature.

At the beginning of the paper the author gives a detailed consideration of the last views and controversies between the specialists on the political ideas and patterns of James I. J. Sommerville sticks to almost a traditional approach and views the king of England as an absolutist, thinking that the prince can undertake a lot of things at his pleasure, and the prince is accountable to God for his actions, and his orders ought to be obeyed by his subjects, and the king never ought to be resisted by his subjects. P. Christianson, on his part, tells about another James. When James was the King of Scotland he adopted absolutist theory and described the prince as the arbitrary ruler. In England James was transited in the constitutional prince. His speech on March, 21 1610 is a real confirmation of his ideological and political transformation. G. Burgess generally cannot find the basic difference in the views on James VI and I. He thinks, that is impossible to dub James the label of an «absolutist».

Here is the interpretation of professor Kondratiev. He thinks the King's speech on March, 21 1610 consists of two basic parts. In the first one James I declared the universal notes of monarchical government and his vision of the place of prince and monarchy in the human community. According to James's words: King is the first creation after God or even earth god. The King's association with God elevated the prince over the people, and testified about his perfection and capability to support the Order obtained from God. The King's closeness to God made the royal power absolute, i.e. possible to create the perfect order supporting instruments. Supremacy of the King in the world

was confirmed through the analogies with the father of the country and family, who had the right to punish, move, pardon, dispose of the inheritance and restore his children-subjects in favor again at his pleasure; using an organic metaphor it is possible to say, that the people were a political body and the King was its head, who by remedies and blood-lettings maintained the health of this body. But King as the god, father and head could not but maintain his own Honorable State. And the people's duty was to Supply royal Honour and power.

The other part of the speech deals with real practices and difficulties. It is clear from the speech, that the King was living in an imperfect world. And he still had no so many tools for the improvement of the human world. Notwithstanding the royal prohibition, the subjects allowed themselves to discuss the dignities and actions of the ruling prince. There were men amongst the subjects, who did not consent with the King's meaning of perfection. And the King had to explain his home and foreign actions to those different, imperfect and suspecting subjects. Although he could show the wrath and punished some rejecters, the King knew that it would not deliver the expected outcome. The word «to pray», addressed to parliamentarians, occurred in his speech very frequently. With the same frequency the King talked about existing procedural and traditional limits of power and about his internal readiness to ever restrain his actions within these limits.

In the author's opinion, James's theory and English political experience replied the title question in this paper negatively. In ordinary life the King could not perform everything.

In conclusion professor Kondratiev notes that James used the adjective «absolute» in his speech. But he remarks that James' «absolutism» differs significantly from those typological interpretations which were suggested by the liberal historians of the nineteenth century and from their interpretational source, i.e. French model of the royal power for the time of Louis XIV.